

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В. П. АСТАФЬЕВА»

(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет

Выпускающая кафедра современного русского языка и методики

Жвырбля Светлана Юрьевна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Эмотивная лексика в коммуникативной ситуации расставания

(с возможностью использования на уроках русского языка и литературы)

Направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование

Направленность (профиль) образовательной программы

Русский язык и литература

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав.кафедрой современного русского языка и методики
к.ф.н., доцент Бебриш Н.Н.

(подпись, дата)

Руководитель
В.Н. Замыслова, к.ф.н., доцент

(подпись, дата)

Дата защиты _____

Обучающийся С.Ю. Жвырбля

(подпись, дата)

Оценка _____

Красноярск 2020

Содержание

Введение	3
Глава 1. Теоретические аспекты изучения эмотивной лексики и речевых жанров	6
1.1. Эмоция как первостепенность эмотивности.....	6
1.2. Изучение описания эмотивности и эмотиологии	9
1.3. Языковое отражение категории эмотивности.....	11
1.4. Эмотивы в составе речевого портрета	13
1.5. Теория речевых жанров	16
1.6. Коммуникативная ситуация расставания в жанровом аспекте коммуникации	18
Глава 2. Эмотивный анализ участников коммуникативной ситуации расставания	19
2.1. Эмотивы коммуникативной ситуации расставания приятелей	19
2.2. Эмотивы коммуникативной ситуации расставания влюбленных	23
2.3. Эмотивы коммуникативной ситуации расставания членов семьи	30
2.4. Эмотивы коммуникативной ситуации расставания на уроке литературы с элементами лингвистического анализа.....	35
Заключение	40
Список использованной литературы.....	43
Приложение	46

Введение

В своей жизни человек и, как следствие, общество, не обходится без эмоций. Отношения между языком и эмоциями человека – два взаимосвязанных и параллельных процесса. Справедливо изначально считать язык эмотивной субстанцией, поскольку в каждой ситуации человек испытывает определенные эмоции, чувства, переживания. Эмоции – это психические процессы, протекающие внутри человека, и видимыми, ощутимыми другими людьми они могут стать только после их реального выражения посредством речи, то есть вступления в коммуникативную ситуацию. Коммуникативный процесс структурируют речевые жанры, создавая «разделяемые» ожидания о форме и содержании общения и таким образом облегчая производство и воспроизводство коммуникации. Жанристика в настоящее время является одной из наиболее популярных и активно развивающихся отраслей отечественной лингвистики и изучение определенных жанров осознается как важнейшая задача жанристики [Дементьев, 2010, с. 600]. Организованная и связная речь является текстом. С помощью системы жанров упорядочивается производимый человеком текст в любой сфере и в любой его форме, тем самым систематизируется общение. Одной из самых эмоциональных и разнообразных для способов речевого выражения коммуникативной ситуацией является коммуникативная ситуация расставания.

Ввиду того, что эмотивная лексика (эмотивы) являются неотъемлемой частью человеческой жизни, к данной теме неоднократно обращались лингвисты. Эмотивная лексика на данном этапе недостаточно изучена, на что указывают работы В.И Шаховского, Н.А. Красавского, В.Ю. Апресян и др. Это объясняет интерес исследователей к соответствующей лексике и определяет **актуальность** и содержание данного исследования. Данным вопросом также занимаются Е.М. Галкина-Федорук, С.В. Ионова, А.М. Ильинская.

Актуальность данной работы заключается в том, что вопрос значимости и функциональности эмотивной лексики в коммуникативной ситуации ещё недостаточно изучен в языкознании и в художественных произведениях.

Объектом исследования является эмотивная лексика как языковая категория в художественном и бытовом пространстве.

Предмет – языковая репрезентация эмотивной лексики в коммуникативной ситуации расставания.

Цель – выявить особенности функционирования эмотивной лексики в структуре коммуникативной ситуации расставания. Поставленная цель предусматривает решение следующих **задач**:

1. Охарактеризовать содержание и соотношение понятий эмотив, эмотивность, эмотиология.
2. Определить особенности эмотивности как языковой категории.
3. Выявить лексические средства репрезентации категории эмотивности.
4. Провести компонентный анализ лексических единиц, обозначающих эмоции.
5. Актуализировать понятия речевого жанра и коммуникативной ситуации в отношении к данному исследованию.
6. Выявить факторы, дифференцирующие коммуникативную ситуацию расставания.
7. Провести эмотивный анализ коммуникативной ситуации расставания приятелей, влюбленных, членов семьи
8. Разработать конспект урока литературы с элементами лингвистического анализа.

Художественным материалом исследования являются роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», повесть В.П. Астафьева «Пастух и пастушка», повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»

Методологическая база данного исследования - работы выдающихся ученых, исследования которых посвящены категории эмотивности: В.И. Шаховского, Е.Ю. Мягковой, Е.П. Ильина, Н.В. Бурениной.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит вклад в развитие теории эмотивности и теории жанров речи, поскольку полученные результаты представляются полезными для изучения эмоциональных концептов в

различных коммуникативных ситуациях расставания художественной и бытовой речи, а также в развитии научной базы лингвистики жанров в направлении пожанрового описания современной речи.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования представленных материалов в школьной практике – на уроках русского языка и литературы. Также материал данного исследования может быть полезен студентам в рамках курса «Филологический анализ текста».

Основными **методами** исследования являются описательный, количественный, сплошной выборки, интерпретации, классификации, типологизации.

Новизна данного исследования заключается в том, что впервые на предмет эмотивной лексики анализируются коммуникативные ситуации расставания.

Дипломная работа **состоит из** введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложения. Во введении определяется актуальность разрабатываемой темы, обозначается цель и определяются задачи. Первая глава посвящена определению понятия «эмоция», дается описание теоретических аспектов эмотивной лексики, теории речевых жанров и коммуникативной ситуации расставания. Во второй главе проведены эмотивные анализы коммуникативных ситуаций расставания, участниками которых являются приятели, влюбленные, члены семьи. Третья глава состоит из разработки урока литературы, интегрированного с русским языком.

Глава 1. Теоретические аспекты изучения эмотивной лексики и речевых жанров

1.1. Эмоция как первостепенность эмотивности

Функция языка раскрывается не только в выражении мыслей, но и чувств, поскольку переживать эмоциональную составляющую в языковом отражении позволяет именно взаимосвязь эмоционального и рационального. Это эмоциональное переживание проявляется в эмоциональном отношении к предмету речи языковой личностью. В связи с этим, выражение эмоций в языке занимает важное место в современной лингвистике.

Эмоции (лат. *emovere* – возбуждать, волновать) — «валентные реакции на события, агентов или объекты, конкретная природа которых определяется способом восприятия ситуации, вызывающей эмоцию» [Тарасенко, 2007, 38]. Эмоции – особый класс субъективных психологических состояний, отражающих в форме непосредственных переживаний, ощущений приятного или неприятного, отношения человека к миру и людям. Эмоции отражают не объективные качества предметов мира, а их значения для деятельности говорящего, и их значение для говорящего в данный момент – «сиюминутные эмоции». Эмоции не только испытываются, но и манифестируются языком, демонстрируются сознательно, имитируются, провоцируются говорящими. С этой целью они концептуализируются, вербализируются и семантизируются языком и в языке, что позволяет и выражать их, и говорить о них. К классу эмоций относятся настроения, чувства, аффекты, стресс [Ревенко, 2013, 345]. Эти эмоции включены во все психические процессы и состояния человека. Любые проявления человеческой активности сопровождаются эмоциональными переживаниями. Главная функция эмоций для человека состоит в улучшенной возможности понимания другого человека, поскольку благодаря этому становится возможно судить о состояниях друг друга и лучше настраиваться на совместную деятельность и общение.

«Эмоциональные переживания входят в психоэмоциональную сферу человека и являются важными компонентами его когнитивной деятельности, поведения,

общения с внешним миром и другими людьми. Эмоции и чувства – это своеобразная реакция на ситуации и события, которые происходят в нашей повседневной жизни. Эмоциональная сфера человека была предметом глубокого и детального анализа представителями разных наук; в первую очередь, психологов, а также философов, искусствоведов, и, конечно же, лингвистов. В результате многочисленных исследований были установлены механизмы возникновения эмоций и чувств, создана их классификация, в основе которой лежали самые разнообразные критерии, описаны конкретные эмоции и чувства, вербальные и невербальные способы их выражения, выработаны методики изучения эмоциональных отношений (чувств) в различных языках» [Мягкова, 1991, 53].

В словах эмоции составляют эмотивный компонент, представляющий собой результат отражения эмоций в слове, в процессе их вербализации и семантизации. В связи с тем, что эмотивный компонент является социально обобщенным, он служит для индивидуального выражения эмоциональной оценочности объектов мира, он реализуется в эмоциональных ситуациях общения через эмоциональный тип речевых актов. Все это позволяет говорить об особом – эмоциональном – типе коммуникации.

Существуют различные классификации эмотивов, в основе которых лежат различные признаки. Например, классификация Е. П. Ильина отражает основные виды эмоций, выделенные с учётом экспрессивного компонента эмоционального реагирования. Автор не ограничивается простым перечислением эмоций, но показывает критерий их систематизации. Так, в его классификации есть эмоции ожидания и прогноза (волнение, тревога, страх, отчаяние), фрустрационные эмоции (разочарование, досада и др.), коммуникативные эмоции (веселье, стыд и др.), интеллектуальные «эмоции» или аффективно-когнитивные комплексы (удивление, интерес, чувство юмора и др.), эмоциональные состояния, возникающие в процессе деятельности (стресс, скука и др.) [Ильин, 2001, 356].

В. И. Шаховский подразделяет лексические средства эмоционального выражения на аффективы (эмотивы, значения которых для данных слов являются

единственным способом означивания отраженной эмоции, без ее названия – ласкательные и бранные слова, междометия и т.д.); коннотативы (эмотивы, эмотивная доля значений которых является компонентом – коннотацией, то есть сопутствующим основному логико-предметному значению (созначением) и контекстуальные эмотивы (нейтральные языковые единицы, к семантике которых окказионально приращиваются эмотивные семы) [Шаховский, 1990, 46-47].

Классификация А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1996, 122] строится по лексическому принципу:

1. Эмоции, связанные с «плохими вещами»;
2. Эмоции, связанные с «хорошими вещами»;
3. Эмоции, связанные с людьми, совершившими плохие поступки, и вызывающими негативную реакцию;
4. Эмоции, связанные с размышлениями о самом себе;
5. Эмоции, связанные с отношением к другим людям.

Анализируя коммуникативную ситуацию расставания, автор данной работы раскрывает следующие этапы

6. Определение ролей участников коммуникативной ситуации расставания и ее цели
7. Эмоциональная привязанность участников расставания в границах конкретного примера
8. Положительные и отрицательные эмоции участников расставания, выраженные через монологичную и диалогичную речь, авторские комментарии
9. Проксемические и физиологические реакции участников расставания

1.2. Изучение описания эмотивности и эмотиологии

На языковом уровне эмоции трансформируются в эмотивность. «Эмотив – языковая единица, превалирующей функцией которой является выражение эмоций говорящего» [Шаховский, 1987, 32]. Другими словами эмотив – это языковая единица, с эмоциональной долей в семантической структуре в виде семантического признака, семы, семного конкретизатора значения, с помощью которого эта единица адекватно используется всеми носителями языка для выражения эмоционального отношения или состояния говорящего, в том числе и в художественном произведении.

Под категорией эмотивности мы понимаем «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отражённые в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [Там же: 24]. Как отмечает в своей работе И. В. Ревенко, «эмотивность, являясь функционально-семантической категорией, приобретает категориальный статус на различных уровнях языковой системы – лексическом, фонологическом, на уровне предложения и текста» [Ревенко, 2016, 181]. С точки зрения лексики, категория эмотивности представляет собой «совокупность лексических единиц, связанных общим значением или общими семами» [Ревенко, 2013, 202].

В научной литературе рассматривается обозначение и выражение эмоций единицами различных языковых уровней (Ю.Д. Апресян, Л.Г. Бабенко, Л.М. Васильев, В.Г. Гак, Е.М. Галкина-Федорук, В.И. Говердовский, Л.Н. Иорданская, Л.А. Пиотровская, В.И. Шаховский и др.), однако наибольшим разнообразием выраженных эмоциональных оттенков обладает лексика. Учеными разграничиваются эмоциональная лексика (выражающая эмоциональные переживания) и лексика эмоций (означающая эмоциональные переживания). Мы, вслед за Л.Г. Бабенко, используем для обозначения совокупности этих двух классов единиц термин «эмотивная лексика»

Эмотивные семы – это мельчайшие смыслы эмотивности, которые объективно существуют в семантической системе языка, как и другие типы сем. Эмотивные

семы соотносятся с эмоциями говорящего, в семантике слова, в свою очередь, являются связью эмотивного семантического признака и различных семных конкретизаторов (например гнев, любовь, пренебрежение и др.). Интерпретации эмотивной семантики в терминах сем – методическая категория, а установление семантического статуса эмотивности – категория онтологическая. Обе категории – основа для лексико – семантической категоризации эмоций в различных типах семантических компонентов слов и в лексических разновидностях единиц языка, обозначающих, выражающих и описывающих эмоции. Эмотивные семы отображают субъективную, то есть эмоциональную действительность, но она, в свою очередь, является объективной для слова. Эмосемы могут быть интегральными или дифференциальными. Эмотивные семы, входящие в структуру различных эмотивов могут быть вершинными – самыми общими для индивидуальной лексической семантики, слабыми, актуальными, виртуальными, собственными или «наведенными».

Эмотивная семантика представляется несколькими составляющими. Она может составлять единственное содержание слова посредством денотативного макрокомпонента и являться первичной с точки зрения диахронии. В таком случае эмотивная семантика облигаторна для слова – аффективна и имеет статус значения. Конституентами эмотивного значения являются преимущественно эмотивные семы. Коннотация, формирующаяся эмотивными семами, которые находятся за пределами логико-предметного макрокомпонента семантик слова, является другим статусом эмотивной семантики слова. Такие эмотивные семы могут быть сопряжены с определенными логико-предметными ядерными семами ил ассоциироваться с ними. В данном случае, в отличие от эмотивности в случае эмотивного значения, эмотивность в слове является вторичной. Эмотивность имеет так же статус потенциала в ингерентном и адгерентном разновидностях. В случае ингерентности периферийная эмотивность является языковой (виртуальной). В случае адгерентности эмотивность «наводится» на семантику нейтрального слова эмоциональной ситуацией.

В.И. Шаховский выдвигает мысль о том, что «поскольку эмотивность речи выражает психическое состояние говорящего, обуславливающее его эмоциональное отношение к предмету и ситуации общения, у эмоциональности имеется и психолингвистический аспект» [Шаховский, 1987, 125]. На основании учения А.В. Бондарко о функциональной грамматике и функционально – семантическом поле В.И. Шаховской определяет признаки эмотивности, относящую к функционально-семантическим категориям. Доказывая правомерность такой трактовки, В. И. Шаховский отмечает, что эмотивность является функционально-семантической категорией, поскольку обладает всеми ее признаками, такими как общность семантической функции – выражение эмоций; взаимодействие лексических и грамматических элементов [Там же].

Эмоция, как мы уже выяснили, является психологической категорией, а эмотивность – языковой, так как эмоции могут и вызываться, и выражаться в языке и языком. Наука, занимающаяся изучением того, каким образом эмоции отражаются в языке, называется эмотиология. «В ней принято разделение языковых единиц, объективирующих эмоции, посредством их обозначения или названия, различных видов дескрипции и выражения в речи. Объектом эмотиологии является языковая категоризация эмоций и полистатусная презентация когнитивно-дискурсивной категории эмотивности» [Карпова, 2001, 40].

Определение понятию лексико-семантического эмотивного поля даёт В. И. Шаховский: «Это корпус лексических средств языка, имеющих в своей семантике эмотивную долю в статусе значения или коннотации и обладающих всеми признаками поля (полеобразующее ядро, периферия); формируется по главному функциональному признаку – способности к выражению эмоций и семантическому признаку – эмотивности» [Шаховский, 1987, 25].

1.3. Языковое отражение категории эмотивности

В.И. Шаховский отмечает, что существует три типа вербализации эмоциональных переживаний человека: их трансляция (обозначение), выражение

и описание [Шаховский, 1987; Красавский, 1992]. Эмотивность представлена на всех уровнях языковой системы и речи во всех языках, имеет свои способы выражения, а так же специфические средства: на фонетическом уровне к ним относятся фонологические изменения звуков, такие как изменение длительности, аспирация и др., акцентные и интонационные средства (Н. И. Жинкин, Л. Г. Златоустова, И. Г. Торсуева и др.); на морфологическом уровне – словосложение и широкий диапазон ласкательных, уничижительных и др. аффиксов (И. В. Арнольд, Э. А. Вайгла, Е. М. Галкина-Федорук, Н. М. Кожина, Д. Н. Шмелев и др.); на лексическом уровне – средства номинации эмоций, междометия, междометные слова и выражения, эмоционально-усилительные наречия, усилительные частицы, восклицательные местоимения, местоименные слова, модальные слова, слова – интенсификаторы, метафоры и др. (И. В. Арнольд, Э. А. Вайгла, Д. Н. Шмелев, Р. С. Сакиева и др.); на синтаксическом уровне – специальные синтаксические модели, изменение обычного порядка слов, использование эллиптических конструкций, инверсии, повторов и т.д. (Г. А. Золотова, М. В. Всеволодова, Е. С. Скобликова, С. Н. Цейтлин и др.) [Шевченко, 2006, 73]. Как правило, разноуровневые средства концептуализации эмоций выступают в речи в комплексе. Наиболее коммуникативным Н. А. Красавский [Красавский, 1992, 107] называет лексический уровень языка.

Ю.А. Карпова выделяет систему разноуровневых эксплицитных и имплицитных языковых средств на основании исследования способов выражения эмотивного значения. «К эксплицитным эмотивным средствам, в которых эмотивное значение представлено явно и эмоциональность которых очевидна без какого-либо контекста, относятся эмотивы – номинанты, обозначающие, называющие определенные эмоции и переживания, сема эмотивности в которых входит в предметно-логическое значение слова, – существительные, глаголы, причастия, прилагательные, наречия и т.д.; бранные, ласкательные слова, в собственно лексическом значении которых заключена определенная оценка обозначаемых ими предметов и явлений, которые непосредственно выражают

эмоции и не имеют иного значения, кроме эмотивного, лексика обзывания, усилительно-ограничительные и модальные частицы». [Карпова, 2001, 74].

Эксплицитно эмотивность может выражаться также с помощью морфологических средств, т.е. посредством словообразовательных префиксов, суффиксов с ласкательным, уничижительным, фамильярным и т.д. значением.

Многие исследователи [Шаховский, 1987; Арнольд, 1959 и др.] исключают из эмотивной лексики слова, обозначающие эмоции. Однако, хотя данные слова имеют меньший «коммуникативно-эмоциональный эффект» [Шаховский, 1987, 94; Шаховский, 1998, 62], эмотивность в них все же представлена.

К имплицитным лексическим средствам выражения эмотивности, эмоциональность которых определяется контекстом, относятся эмотивы-коннотативы, метафоры, перифразы, ирония, свободные словосочетания, фразеологические единства, ряд средств синтаксиса, а именно: изменение порядка слов, включение в предложение бессоюзия, инверсии, повторов, синтаксически не связанных элементов, появление эллиптических конструкций, снятие синтаксической сложности предложения, частое появление восклицательных, вопросительных предложений и др. [Мягкова, 1990; Буренина, 1991; Красавский, 1992 и др.].

В зависимости от степени частотности и интенсивности отраженных эмотивами эмоций и их знака (положительные и отрицательные) их можно объединить в микрополя.

1.4. Эмотивы в составе речевого портрета

Несмотря на то, что персонаж художественного текста является виртуальной личностью, он переживает эмоции, свойственные каждому человеку, т.е. реальной личности. Анализ речевого портрета позволяет выявить круг эмоций, испытываемых персонажем, что и является предметом нашего исследования.

В языкознании сформировалось особое направление, изучающее языковую личность с точки зрения описания ее речевого портрета. По мнению С. В. Леорды, «речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность»

[Леорда, 2006, 87]. Е. В. Осетрова отмечает большую роль речевого портрета как составляющей облика говорящего в формировании целостного образа личности [Осетрова, 2014].

Изучение понятия «речевой портрет» исторически начинается с фонетического портрета, важные приемы описания которого разрабатываются в середине 60-х годов XX века М.В. Пановым. Анализируя произношение отдельных личностей, М.В. Панов дает характеристику литературной нормы в диахроническом аспекте и создает ряд фонетических портретов политических деятелей, писателей, ученых [Панов, 2004].

Т.П. Тарасенко определяет понятие речевого портрета как «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определённого социума в отдельно взятый период существования» [Тарасенко, 2007, 305]. Исследователь выделяет ряд характеристик личности, отражающихся в речевом портрете: возрастные, гендерные, психологические, социальные, этнокультурные и лингвистические. Преимущественно психологические особенности персонажа помогает выявить анализ эмотивов в структуре речевого портрета.

Г. Г. Матвеева понимает под речевым портретом «набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего» [Матвеева, 1993, 20]. Исследователь отмечает, что с помощью речевого портрета фиксируется речевое поведение, которое «автоматизируется в случае типичной повторяющейся ситуации общения» [Там же, 48].

Создание речевого портрета возможно по отношению к любой сфере общения. Объектом изучения может стать и персонаж художественного произведения. В литературе речевой портрет является средством создания художественного образа, в котором одну из важнейших ролей играет эмоциональная составляющая. Речевую структуру художественного образа рассматривают Л. К. Чурилина, Е. А. Гончарова, Е. А. Иванова, Ю. Н. Курганов, М. В. Пьянова, А. К. Жунисбаева.

Анализ речевого портрета представляет собой характеристику разных уровней реализации языковой личности. При этом возможно описание не всех слоев языка, так как «языковые парадигмы, начиная от фонетической и кончая словообразовательной, оказываются вполне соответствующими общенормативным параметрам» [Николаева, 1991, 69].

М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова называют речевой портрет «функциональной моделью языковой личности» [Китайгородская, 1995, 15] и выделяют параметры, по которым производится анализ этой модели. Одним из этих параметров является лексикон языковой личности – уровень, который отражает владение лексико-грамматическим фондом языка. На этом уровне анализируется запас слов и словосочетаний, которым пользуется конкретная языковая личность. Следующей ступенью исследователи называют тезаурус, репрезентирующий языковую картину мира. При описании речевого портрета делается акцент на использовании разговорных формул, речевых оборотов, особой лексики, которые делают личность узнаваемой. Третий уровень – прагматикон, включающий в себя систему мотивов, целей, коммуникативных ролей, которых придерживается личность в процессе коммуникации. Все три уровня данной модели соответствуют уровням языковой личности в модели Ю. Н. Караулова: вербально-семантическому, когнитивному и прагматическому [Караулов, 2007].

Специфические фонетические и лексические единицы легко зафиксировать в речи носителей нелитературных форм языка. Существование единой нормы в литературном языке снижает, но не исключает вероятность появления специфических языковых единиц в речи его носителей.

Л. Н. Чурилина выявляет соотношение понятий «ментальный лексикон», «внутренний лексикон» и «индивидуальный лексикон» и представляет словарь персонажа – «список слов, в совокупности составляющих его дискурс» [Чурилина, 2006, 153]. Индивидуальный лексикон в ее работе описывается как «система, обслуживающая коммуникативные потребности отдельной личности»

[Там же, 126], с помощью которой возможна реконструкция «фрагментов индивидуального образа мира» [Там же, 126].

Речь персонажа с позиции лексики и синтаксиса рассматривает Е. А. Гончарова: «<...> лексический состав фразы дает представление об образно-понятийной сфере персонажа, а ее синтаксическая организация отражает особенности логико-экспрессивного сцепления образов и понятий в процессе их познания» [Гончарова, 2012, 58]. Особое внимание уделяется явлениям повтора и многозначности. По Е. А. Гончаровой, представление об особенностях речевой структуры персонажа дают не только повторы лексического уровня – любимая лексика, лексика социально и территориально окрашенная, – но и тяготение к однотипным синтаксическим конструкциям.

1.5. Теория речевых жанров

Теория речевых жанров является одним из актуальных направлений лингвистики. Впервые специальную работу, которая посвящалась постановке проблемы речевых жанров, создал М.М. Бахтин. Начав искать ответ о необходимости изучения жанров речи как единственной первичной формы существования языка, М.М. Бахтин предложил свое определение понятия «речевой жанр», описал признаки высказывания, сопоставив его с предложением. После статьи М.М. Бахтина, опубликованной в 1956 г., понятие речевого жанра в течение нескольких лет не было востребовано в российском языкознании. И только после статей Т.В. Шмелевой [Шмелева, 1990] и [Шмелева, 1997] в России началось активное изучение различных жанров, которое продолжается до сих пор.

М.М. Бахтин разработал концепцию речевого жанра, а так же приемы и принципы анализа и осмысления речевых жанров, что, безусловно, является востребованным в современных исследованиях. Изучение речевого жанра, как «коммуникативного», заложено Бахтиным, поскольку «коммуникативная природа жанра прямо вытекает из самого понятия речевого жанра как форм, в которые отливаются «живые» (т. е. погруженные в реальную ситуацию общения «Говорящего» и «Другого») высказывания». [Дементьев, 2010, с. 8].

В своей статье «Проблема речевых жанров» М.М. Бахтин, задавшись целью объяснить природу высказывания и его отличие от предложения, определяет следующее. Язык в речи существует в форме единичных высказываний. В целом каждого из них обнаруживается неразрывная связь трех составляющих: тематического содержания, стиля и композиционного построения. Далее ученый обсуждает возможность классификации всех высказываний, распределение их по относительно устойчивым типам. Именно такие типы (модели) общеизвестны сегодня как речевые жанры.

Основываясь на сформулированных М.М. Бахтиным положениях, Т.В. Шмелева в работах конца 80-х–90-х годов выделяет семь конститутивных признаков речевого жанра. Главнейший из них – коммуникативная цель, согласно которой все речевые жанры могут быть разделены на информативные, императивные, этикетные и оценочные. Другие жанрообразующие факторы – образ автора, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, тип диктумного содержания и способ языкового воплощения.

Исследованием жанров занимались такие ученые, как В.А. Салимовский – в докторской диссертации «Жанры речи в функционально-стилистическом освещении: Научный академический текст» [Салимовский, 2002.], И.Н. Борисова – в докторской диссертации «Русский разговорный диалог: структура и динамика» [Борисова, 2001]. М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова рассматривали этот вопрос в монографии «Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект» [Китайгородская, Розанова, 1999.], ряд статей проблеме жанров посвящали М.Ю. Федосюк [Федосюк, 1997], А.Г. Баранов [Баранов, 1997], К.Ф. Седов [Седов, 2002].

«Речевой жанр живет в определенной ситуации общения, имеет собственную «нормативную» экспрессию и обязательно адресован, или, иначе говоря, содержит в себе концепцию адресата и ответных реакций. Каждая речевая сфера вырабатывает собственный репертуар речевых жанров, язык же в целом располагает номенклатурой речевых жанров, филологическое описание которых необходимо для исследования и описания закономерностей речевого общения.

Повседневное общение формирует первичные речевые жанры, на основе которых культивируется система вторичных, в том числе литературных жанров». [Шмелева, 1990, с. 3].

1.6. Коммуникативная ситуация расставания в жанровом аспекте коммуникации

Современный этап развития коммуникативной лингвистики переходит от изучения общих свойств коммуникации к более частным ее проявлениям, присущим отдельным группам и индивидам.

В качестве рабочего определения коммуникативной ситуации примем следующее: типичная коммуникативная ситуация – это «модель контакта, в котором реализуются речевые (и неречевые) действия собеседников в их социально-коммуникативных и профессионально-коммуникативных ролях. Типичную ситуацию можно рассматривать как мотивационно-ориентировочную базу общения. В ее пространстве наблюдается заданность обстоятельств действительности, отношений между собеседниками, мотивов и задач общения» [Шрайдман, 2012, с. 130].

Изучая ситуацию общения, В.И. Карасик, основываясь на различных концепциях прагмалингвистики и социолингвистики, выделяет следующие категории, которые в разных научных традициях называются еще «единицами», «составляющими», «элементами» коммуникативной ситуации:

- участники общения (статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики),
 - условия общения (пресуппозиции, сфера общения, хронотоп, коммуникативная среда),
 - организация общения (мотивы, цели и стратегии, развертывание и членение, контроль общения и вариативность коммуникативных средств),
 - способы общения (канал и режим, тональность, стиль и жанр общения)
- [Карасик, 1998, с. 190–191].

Обзор источников по теории речевых жанров и коммуникативной лингвистике показывает, что расставание как коммуникативная ситуация детально не рассмотрено. В нашем исследовании эмотивный анализ будет осуществляться в рамках этой коммуникативной ситуации.

Глава 2. Эмотивный анализ участников коммуникативной ситуации расставания

2.1. Эмотивы коммуникативной ситуации расставания друзей

Для анализа категории эмотивности коммуникативной ситуации расставания друзей автором были отобраны подходящие литературные источники, среди которых выделялся роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», рассказ М.А. Шолохова «Судьба человека», роман Ю.О. Домбровского «Факультет ненужных вещей».

Михаил Юрьевич Лермонтов «Герой нашего времени»

Коммуникативная цель ситуации расставания Печорина и Максима Максимыча является этикетной. В границах данного примера наблюдаются две модели поведения – остающегося и отъезжающего, эмоциональные состояния которых противоположны. Печорин реализует образ автора «отъезжающего», Максим Максимыч является «остающимся» адресатом.

Максим Максимыч глубоко переживает расставание, когда узнает об отъезде Печорина. На это указывают оценочные комментарии автора, передающие чувство тяжести, потери, невозвратности: *«Пробормотал со слезами на глазах», «Он был печален и сердит», «слеза досады»*. Об этом также свидетельствуют и реплики адресата: *«Неужто сейчас расстанемся?..», «Мне столько бы хотелось вам сказать... столько расспросить...»*.

Максим Максимыч хочет задержать Печорина, чтобы отложить расставание и не испытывать, таким образом, чувство утраты: *«А помните <...>», «стал его упрашивать остаться»*.

Также присутствуют восклицания, подчеркивающие сильные эмоциональные переживания героя в связи с отъездом приятеля: *«Да подождите, дражайший!»*, *«Боже мой! Боже мой!»*, *«Постой! Постой!»*.

В значительном количестве речь Максима Максимыча наполнена паузами, выраженными через многоточия, которые указывают на трудность переживаемого события, сложность в подборе слов, выражающих его состояние: *«Мы славно пообедаем, - говорил он. - У меня есть два фазана; а кахетинское здесь прекрасное... разумеется, не то, что в Грузии, однако лучшего сорта... Мы поговорим... вы мне расскажете про свое, житье в Петербурге... А?..»*, *«- сколько лет... сколько дней... да куда это?..»*.

Отъезжающий Печорин равнодушно относится к ситуации. Он не желает задерживаться и всячески пытается как можно скорее удалиться, это прослеживается как через речь персонажа: *«Мне пора, мне нечего рассказывать»*, *«Однако прощайте, мне пора... я спешу»*, *«Мне пора, Максим Максимыч»*, так и через оценочные комментарии автора: *«Принужденно зевнув»*, *«сделав знак рукой»*, *«отвернулся»*. Встречающиеся в речи героя паузы, выраженные через многоточия, указывают на неловкость от прощания и желание его скорее завершить. Поведение Печорина свидетельствует об отстраненном отношении к ситуации, и хотя он и испытывает некие эмоции, совершая ожидаемые этикетные действия: *«взяв его за руку»*, *«обняв его дружески»*, в нем преобладает безразличие.

Михаил Александрович Шолохов «Судьба человека»

В рассказе Михаила Александровича Шолохова «Судьба человека» к финалу повествования приятелями становятся рассказчик, главный герой Андрей Соколов и его сын Ваня. В границах данного примера наблюдаются две модели поведения – остающегося рассказчика и отъезжающих Андрея Соколова с сыном Ваней. Коммуникативная цель данного расставания является этикетной.

Уникальность данного примера в том, что близость автора Андрея Соколова и адресата рассказчика формируется в процессе повествования – они знакомятся в начале рассказа. Через их прощание в финале произведения мы можем увидеть,

что искреннее эмоциональное переживание и привязанность можно испытать и после непродолжительного общения.

На то, что участники расставания изменили свой статус с незнакомцев, чужих друг для друга людей до приятелей, указывает обращение автора к адресату: «*браток*», а также комментарий рассказчика: «*Чужой, но ставший мне близким человек*». Это указывает на изменившийся уровень доверия и близости участников коммуникативной ситуации к моменту расставания.

«Остающийся» рассказчик искренне переживает расставание и беспокоится за дальнейшую судьбу «отъезжающих» Андрея Соколова и Вани.

Для рассказчика расставание проходит печально и болезненно: «*С тяжелой грустью смотрел я им вслед*». Адресат, безусловно, искренне сочувствует судьбе этих людей, желает «отъезжающим» только добра, это можно проследить в том, как рассказчик описывает Андрея Соколова и Ваню: «*Два осиротевших человека, две песчинки, заброшенные в чужие края военным ураганом невиданной силы*». Можно сделать вывод о том, что рассказчик восхищается Андреем Соколовым, поскольку применяет по отношению к нему прилагательное «*несгибаемый*». Адресат так же считает автора хорошим примером для растущего Вани, Андрей Соколов сможет вложить в подрастающего мальчика все составляющие решительной и сильной личности: «*около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет все вытерпеть, все преодолеть на своем пути*».

Об испытываемых рассказчиком эмоциях беспокойства, тоски и боли можно судить из его личного описания испытываемых чувств: «*словно мягкая, но когтистая лапа сжала мне сердце*». Адресат также считает, что очень важно «*уметь вовремя отвернуться*» в момент, когда эмоциональное переживание находит выход через физиологическое проявление – плач, для того, чтобы не задеть чувства «отъезжающих»: «*чтобы он не увидел, как бежит по твоей щеке жгучая и скупая мужская слеза...*».

Эмоциональные переживания Андрея Соколова и Вани в тексте опущены, однако мы с уверенностью можем говорить об их добром и дружеском отношении к рассказчику через эмоциональное восклицание Андрея Соколова с пожеланием:

«счастливо тебе!» и повторном жестовом прощании Вани: «повернулся на ходу ко мне лицом, помахал розовой ручонкой».

Юрий Осипович Домбровский «Факультет ненужных вещей»

В романе Юрия Осиповича Домбровского «Факультет ненужных вещей» представлено прощание бывших врагов – Георгия Николаевича Зыбина и полковника НКВД Гуляева, ставших к моменту коммуникативной ситуации расставания приятелями. В границах коммуникативной ситуации мы наблюдаем две модели поведения – «остающегося» полковника Гуляева, выполняющего роль автора расставания, и «отъезжающего» Георгия Николаевича Зыбина, выполняющего роль адресата. Цель коммуникативной ситуации расставания – этикетная.

Адресат Георгий Николаевич Зыбин до коммуникативной ситуации расставания переживает арест и различные пытки в здании НКВД, его отношения с причастными к этому людьми, в числе которых полковник Гуляев, – негативные. Однако к моменту расставания их взаимоотношения становятся дружелюбными, о чем свидетельствует прощальный диалог. Гуляев использует вежливый возглас *«до свидания»*, произнесенный, по мнению адресата, *«как-то по-доброму, даже по-дружески»*. «Остающийся» Гуляев так же иронично и *«улыбнувшись»* замечает: *«поморочили мы друг другу голову, а?»*. Автор также искренне и дружелюбно дает адресату совет на будущее, успокаивает его о благосостоянии дома и проводит адекватный инструктаж о дальнейших действиях Зыбина: *«А сейчас вам казначей принесет деньги и вещи. Берите и идите домой. Там все в полном порядке. Ключ - вот. Советую лечь и никуда больше не ходить, отдохнуть»*.

Об эмоциональных переживаниях адресата свидетельствуют наречие *«изумился»*, передающее искренне удивление Зыбина о том, как изменились их взаимоотношения к моменту прощания. И хотя передача эмоциональных состояний героев коммуникативной ситуации на этом исчерпана, пример изменения статуса бывших врагов на приятелей и их общение после является уникальным.

2.2. Эмотивы коммуникативной ситуации расставания влюбленных

Для анализа категории эмотивности коммуникативной ситуации расставания влюбленных автором были отобраны подходящие литературные источники, среди которых выделялись повесть В.П. Астафьева «Пастух и Пастушка», роман М.Ю.Лермонтова «Герой нашего времени», роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго».

Михаил Юрьевич Лермонтов «Герой нашего времени»

В романе Михаила Юрьевича Лермонтова «Герой нашего времени» расставание влюбленных – Веры и Печорина – представлено через форму письма. Данный пример уникален тем, что прощание между «остающимся» Печориным, выступающим в роли адресата, и «отъезжающей» Верой, реализующей образ автора, происходит, когда Вера уже совершила действие отъезда, у адресата никогда не будет возможности в ответ сказать ей о своих чувствах и переживаниях от факта этого расставания.

Цель коммуникативной ситуации расставания – исповедальная: через письмо Вера раскрывает Печорину все свои чувства и переживания, накопившиеся за годы, считает, что *«обязана сказать тебе все, что накопилось на моем сердце с тех пор, как оно тебя любит»*.

По мере прочтения письма, Печорин переживает расставание в реальном времени, Вера, в свою очередь, пережила его намного ранее – когда писала письмо. Письмо пишется Верой потоком сознания, это можно увидеть в тексте через переход описания своих чувств к констатации ее немедленного отъезда, затем автор понимает о наличии еще нескольких мгновений для своих мыслей, которые прерываются, очевидно, невозможностью продолжать: *«Если б я могла быть уверена, что ты всегда меня будешь помнить, — не говорю уж любить, — нет, только помнить... Прощай; идут... Я должна спрятать письмо... Не правда ли, ты не любишь Мери? ты не женишься на ней? Послушай, ты должен мне принести эту жертву: я для тебя потеряла все на свете...»*. Письмо начинается с фразы, которая дает понять – это последнее, что она скажет ему, последнее, что

он от нее услышит: *«Я пишу к тебе в полной уверенности, что мы никогда больше не увидимся»*, в середине текста так же встречается: *«Мы расстаемся навеки»*, что исключает для автора и адресата фактор будущего. При этом можно рассматривать, что для Веры это письмо видится диалогом с Печориным, поскольку она несколько раз задает ему вопросы: *«не правда ли?»*, *«что за нужда?»*, *«ты не любишь Мери?»*, *«ты не женишься на ней?»*.

Вера признает, что бескорыстно и искренно любила Печорина, любила его сильнее, чем себя, надеялась на взаимность чувств и действий, но ошиблась: *«я пожертвовала собою, надеясь, что когда-нибудь ты оценишь мою жертву, что когда-нибудь ты поймешь мою глубокую нежность, не зависящую ни от каких условий. Прошло с тех пор много времени: я проникла во все тайны души твоей... и убедилась, что то была надежда напрасная»*.

Героиня не просто любит Печорина: *«я тебя люблю...»*, она чувствует единство и неотделимость этих чувств от своей сути: *«моя любовь срослась с душой моей»*, Вера исключает возможность испытать эти чувства по отношению к другому человеку: *«я никогда не буду любить другого»*, героиня считает Печорина уникальным, идеализирует его, возводит в абсолют: *«в твоей природе есть что-то особенное, тебе одному свойственное, что-то гордое и таинственное; в твоём голосе, что бы ты ни говорил, есть власть непобедимая; никто не умеет так постоянно хотеть быть любимым; ни в ком зло не бывает так привлекательно, ничей взор не обещает столько блаженства, никто не умеет лучше пользоваться своими преимуществами и никто не может быть так истинно несчастлив, как ты, потому что никто столько не старается уверить себя в противном»*.

Чувство любви к Печорину для Веры порождает отрицательные чувства: тоску, печаль, тревогу, истощение: *«Горько мне было»*, *«я едва не упала без памяти»*, *«мне казалось, что я сойду с ума»*, *«я не вынесла этого испытания»*, *«моя душа истощила на тебя все свои сокровища, свои слезы и надежды»*, *«я погибла»*.

Героиня не обвиняет адресата за все испытываемые ею тяготы, описывает любовь Печорина по отношению к ней как типичную, непримечательную, также

указывает на то, что ощущала себя лишь средством для реализации желаний адресата: *«ты поступил со мною, как поступил бы всякий другой мужчина: ты любил меня как собственность, как источник радостей, тревог и печалей, сменявшихся взаимно, без которых жизнь скучна и однообразна».*

Вера желает, чтобы Печорин помнил о ней, несмотря на расставание: *«Если б я могла быть уверена, что ты всегда меня будешь помнить, — не говорю уж любить, — нет, только помнить...»*, а также требует, чтобы он не женился на Мери: *«Послушай, ты должен мне принести эту жертву: я для тебя потеряла все на свете...»*

В тексте присутствуют восклицания, подчеркивающие сильные эмоциональные переживания героини: *«о нет!», «невозможно!», «ты не можешь умереть!», «Горько мне было!».*

Паузы, выраженные через многоточия, указывают на трудность выражения своих переживаний: *«мое слабое сердце покорилося снова знакомому голосу... ты не будешь презирать меня за это, не правда ли?»*, на процесс обращения к своим воспоминаниям, чтобы вспомнить произошедшие события: *«не помню, что я ему отвечала... верно, я ему сказала <...>, ... Помню только, что <...>, Я слышала, как он велел закладывать карету...»*, а также на невозможность продолжения речи, поскольку время на написание письма подходит к концу: *«идут... я должна спрятать письмо...».*

Реакция на письмо «остающегося» Печорина резкая, действия решительные — он отправляется за Верой в надежде догнать ее: *«пустился во весь дух по дороге в Пятигорск».*

О его желании увидеть героиню указывают действия, направленные на скорейшее достижение цели, а также его ощущения в процессе движения: *«Я как безумный выскочил на крыльцо», «прыгнул», «Я беспощадно погонял измученного коня», «Я скакал, задыхаясь от нетерпенья», «я все скакал, погоняя беспощадно».* Действия по отношению к коню свидетельствует также о жестокости героя, о возможности совершения любых необходимых поступков для достижения желаемого.

Потеря коня не остановила намерения Печорина догнать Веру, он предпринял неудавшуюся попытку пойти пешком: *«я остался в степи один, потеряв последнюю надежду; попробовал идти пешком — ноги мои подкосились»*

Ощущения Печорина в процессе погони, а также после нее, указывают на высокий уровень переживания и глубокого эмоционального потрясения: *«Я молился, проклинал, плакал, смеялся... нет, ничто не выразит моего беспокойства, отчаяния!»*, *«я упал на мокрую траву и как ребенок заплакал»*, *«долго я лежал неподвижно и плакал горько, не стараясь удерживать слез и рыданий»*, *«думал, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровие — исчезли как дым»*, *«Душа обессилела, рассудок замолк»*. Герой также делает эмоциональный вывод о своих чувствах по отношению к Вере: *«При возможности потерять ее навеки Вера стала для меня дороже всего на свете — дороже жизни, чести, счастья!»*.

Прожив эту боль утраты и чувство потери, герой вновь обрел свое хладнокровие и нашел для себя множество положительных сторон от отъезда возлюбленной: *«Все к лучшему! это новое страдание, говоря военным слогом, сделало во мне счастливую диверсию. Плакать здорово; и потом, вероятно, если б я не проехался верхом и не был принужден на обратном пути пройти пятнадцать верст, то и эту ночь сон не сомкнул бы глаз моих»*.

Виктор Петрович Астафьев «Пастух и пастушка»

В повести Виктора Петровича Астафьева «Пастух и пастушка» коммуникативную ситуацию расставания следует охарактеризовать как этикетно-оценочный ритуал расставания возлюбленных. Вынужденным инициатором расставания, или же автором, выступает Борис. Люся является «остающимся» адресатом.

Автор расстроен и растерян из-за расставания с любимой, он понимает неизбежность этого события и пытается донести до адресата, что расставание с ней – не его личное желание: *«Что же делать-то?»*, *«Я же не виноват...»*, *«с сожалением»*.

Описание действий и поведения автора указывает на то, что Борис пытается оттянуть момент своего ухода: *«Борис переступил с ноги на ногу, поправил сумку на боку. – Мне пора. – Он еще переступил, еще раз поправил сумку», «постоял еще, чего-то ожидая», «не забыл ли кто чего?»*.

Герой испытывает чувство нежности и трепетности по отношению к Люсе, любит ее: *«хвостик косы упал в мокрый желобок рамы. Борис отжал смокшиеся волосы и с сожалением опустил косу на ее спину», «Милая ты моя!»*, он так же бережет ее чувства и тело, на что указывает его сдержанность при желании поцелуя: *«большим усилием заставил себя сдержаться, чтобы не припасть губами к этому теплу, к этой нежной детской коже»*.

Эмоциональное и оценочное состояние описывается и через фразеологизм *«Долгие провода - лишние слезы»*.

Его последнее *«Прощай тогда»* сопровождается неловким поведением, вызванным, очевидно, от волнения: *«неуклюже, будто новобранец на первых учениях, повернулся кругом»*.

Люся испытывает сильное эмоциональное напряжение от расставания с Борисом, пытается прогнать его: *«Тебя ведь ждут», «Так иди! Я провожать не буду. Не могу»*, но не из ненависти, а от приближающейся потери близкого человека.

Внешне адресат старается вести себя спокойно, чтобы не поддаться своим чувствам – избегает контакта глазами с автором: *«отдалились глаза», «отвернулась, опять устроив на руки подбородок», «начала суетиться»*, сдерживает различные физические проявления волнения: *«в плотно сомкнутых губах, в мелко подрагивающих ресницах было что-то трогательное»*. По мере приближения момента расставания волнение усиливается, учащаются физические проявления, происходит повторное действие: *«ресницы все чаще и чаще подрагивали»*.

Героиня не винит автора и соглашается с ним: *«конечно, виноватых нет»*, но это не уменьшает ее переживаний, что подчеркивается физическими

проявлениями *«глядя на свои руки, она тут же начала ими суетиться, поправлять ленты».*

Сдержанные модели поведения и «отъезжающего» Бориса, и «остающейся» Люси создают усиленный драматический эффект этой коммуникативной ситуации расставания.

Борис Леонидович Пастернак «Доктор Живаго»

В романе Бориса Леонидовича Пастернака «Доктор Живаго» перед нами предстает коммуникативная ситуация расставания двух возлюбленных – Лары и доктора Юрия Андреевича Живаго, описанная и додуманная «остающимся» Живаго. «Отъезжающая» Лара становится автором этой коммуникативной ситуации через обман адресата доктора Живаго – он высылает ее для спасения.

Их прощание было быстрым и скупым на слова, поскольку адресату крайне сложно давался обман и сдерживание эмоций: *«они даже и не простились толком, только Юрий Андреевич рукой махнул и отвернулся, стараясь сглотнуть колом в горле ставшую боль».* Герой позволил себе выразить истинные чувства, только когда Лара уехала, а он смотрел ей в след: *«Прощай, единственно любимая, навсегда утраченная!».* Все его внимание было приковано к уезжающим саням, в которых сидела любимая женщина, и ничто не могло отвлечь героя: *«Всем своим сознанием он был прикован к далекой точке в пространстве. Там, на некотором протяжении, небольшой кусок подымавшегося в гору пути открывался между несколькими, отдельно росшими березами. В это открытое место падал в данное мгновение свет низкого, готового к заходу, солнца. Туда, в полосу этого освещения должны были с минуты на минуту вынестись разогнавшиеся сани из неглубокой ложбины, куда они ненадолго занырнули».* Чем дальше она отъезжала, тем сильнее он выражал свои эмоциональные переживания словами: *«Прощай, Лара, до свидания на том свете, прощай краса моя, прощай радость моя, бездонная, неисчерпаемая, вечная».* Когда она скрылась навсегда, он позволил себе признать окончательность и бесповоротность их расставания: *«Больше я тебя никогда не увижу, никогда, никогда в жизни, больше никогда не увижу тебя».*

Эмоциональный всплеск надежды, волнения, трепета Юрий Андреевич Живаго переживает, когда видит, что сани остановились: *«забилося его сердце, о как забилося его сердце, ноги подкосились у него, он от волнения стал весь мягкий, войлочный, как сползающая с плеча шуба»*. Он перебирал различные варианты остановки до тех пор, пока они не поехали снова: *«Что там делается, на далекой закатной этой черте? Где объяснение? Зачем стоят они? Нет. Пропало. Взяли. Понеслись. Это она верно попросила стать на минуту, чтобы еще раз взглянуть на прощание на дом. Или может быть, ей захотелось удостовериться, не выехал ли уже Юрий Андреевич и не мчится ли за ними вдогонку? Уехали»*.

Адресат испытывает сильное чувство злости от переживаемого расставания, которое выплескивает на посторонний предмет: *«он под самым потолком сжимал с такой силою шейку точеного крылечного столбика, точно душил его»*.

Юрий Андреевич Живаго эмоционально переживает отъезд возлюбленной, жалеет о содеянном, которое сотворил из благих намерений для любимой: *«Что я наделал? Что я наделал? Отдал, отрекся, уступил. Броситься бегом вдогонку, догнать, вернуть. Лара! Лара!»*.

О мыслях и чувствах «отъезжающей» Лары мы можем судить из предположений адресата. Он обманул ее, а она *«далась в обман и не подозревает, в каком она заблуждении»*. Герой считает, что чувствует она себя комфортно и хорошо: *«У нее все основания быть веселой, спокойной»*, что все происходящее – лучший исход, ведь она хотела уехать вместе с ним, и что он поедет не смотря ни на что: *«Ее Юрочка, фантазер и упрямец, наконец, смягчился, слава Создателю, и отправляется вместе с ней куда-то в верное место, к людям поумнее их, под защиту законности и порядка. Если даже, чтобы настоять на своем и выдержать характер, он покобенится и не сядет завтра в их поезд, то Виктор Ипполитович придет за ним другой, он к ним подъедет в самом непродолжительном времени»*.

Она уверена, что он приедет очень скоро, возможно, уже сейчас собирается в путь: *«немедленно во весь дух пустится нахлестывать следом, так что нагонит их еще в поле, до въезда в лес»*.

2.3. Эмотивы коммуникативной ситуации расставания членов семьи

Для анализа категории эмотивности коммуникативной ситуации расставания членов семьи автором были отобраны подходящие литературные источники, среди которых выделялись повесть Николая Васильевича Гоголя «Тарас Бульба», роман Ивана Сергеевича Тургенева «Отцы и дети», роман Дженни Даунхэм «Пока я жива».

Николай Васильевич Гоголь «Тарас Бульба»

В повести Николая Васильевича Гоголя «Тарас Бульба» коммуникативная цель расставания матери и детей является ритуальной. Данный пример уникален тем, что автора, которым в данном случае выступает отец – Тарас Бульба, следует отнести к «неисполняющему» субъекту, поскольку он побуждает к действиям другого участника ситуации – свою жену, которая и оказывается одним из главных участников расставания.

Данный пример демонстрирует две ролевые модели: остающейся матери и уходящих сыновей, эмоциональное состояние которых сходно, а поведение различно.

Комментарии автора позволяют понять, что расставание для «остающейся» матери тягостно и тяжело, при этом она покорно принимает ситуацию и, повинувшись воле своего мужа, занимается привычными бытовыми делами: *«лишенная последней надежды, уныло поплелась в хату», «она со слезами готовила все, что нужно к завтраку»*.

Автор неоднократно применяет по отношению к «остающейся» матери прилагательное «бедная», что отражает истинную великую ценность для каждой матери – ее детей.

Реакция матери на повзрослевших детей в военной форме и с оружием выражает когнитивную эмоцию удивления, эмоциональное потрясение остановило такие физиологические проявления как слезы и потерю речи: *«как увидела их, и слова не могла промолвить, и слезы остановились в глазах ее»*.

В последние минуты прощания по велению Тараса Бульбы мать должна произнести благословляющую молитву. Автор указывает на материнское бессилие в моменте прощания со своими детьми сравнением: *«Мать, слабая как мать»*, что говорит о типичности таких чувств для каждой матери. Мы можем выявить такой поведенческий маркер, как объятие: *«обняла их»*, и возвращение плача в усиленной форме из-за большого душевного страдания: *«рыдая»*.

Благословление матери в значительном количестве наполнено паузами, выраженными через многоточия, которые указывают на сложность в подборе слов из-за тяготы переживаемого события: *«Пусть хранит вас... Божья Матерь... не забывают, сынки, мать вашу... пришлите хоть весточку о себе...»*, это так же подтверждается тем, что она прервала свою речь из-за трудности проживаемого события: *«пришлите хоть весточку о себе... — далее она не могла говорить»*.

В момент осознания окончания прощания, мать предпринимает попытку задержать одного из сыновей: *«Когда увидела мать, что уже и сыны ее сели на коней, она кинулась к меньшому»*. Выбор младшего из сыновей, в котором *«выражалось более какой-то нежности»*, можно объяснить желанием матери получить еще одно мгновение любви, поддержки, тепла, которые, в нужной степени, она получит именно от более нежного ребенка. Последние мгновения прощания она старается оттянуть как можно дольше, сохранить это ощущение любви, по воле судьбы вынужденное сплестись с безнадежностью расставания: *«с отчаяньем в глазах не выпускала его из рук своих»*. От детей мать уводили казаки: *«Два дюжих казака взяли ее бережно и унесли в хату»* — это можно объяснить тем, что сама мать не может уйти в связи с эмоциональной слабостью, которую вызывает боль расставания. Однако отлучение от детей не уменьшает желание матери быть с ними, а, напротив, придает сил в момент, когда дети выезжают за ворота дома, чтобы нагнать их: *«со всею легкостью дикой козы,*

несообразно летам, выбежала она за ворота, с непостижимой силой остановила лошадь и обняла одного из сыновей с какою-то помешанною, бесчувственною горячностью» — все это показывает нам, как материнская любовь может придать невероятных сил и толкнуть на решительные поступки.

Отношение адресатов Остапа и Андрия к расставанию в языковых маркерах не описано: они ничего не говорят. Об их эмоциональном состоянии мы можем судить через комментарии автора, описывающие состояние «отъезжающих» уже после прощания с матерью: проксемический маркер *«ехали смутно»* указывает на тревожное и неопределенное восприятие ситуации. О тоске и печали в связи с расставанием с матерью мы можем судить через сдерживание физиологического выхода эмоций причина, которого – не стеснение перед собой или братом, а страх перед отцом: *«удерживали слезы, боясь отца»*.

Иван Сергеевич Тургенев «Отцы и дети»

В романе Ивана Сергеевича Тургенева «Отцы и дети» коммуникативная ситуация расставания членов семьи происходит между умирающим Евгением Базаровым и его родителями – Василием Ивановичем и Ариной Власьевной. В роли вынужденного автора коммуникативной ситуации расставания выступает Евгений Базаров, его родители – вынужденные адресаты. Их эмоциональное состояние противоположно. Цель коммуникативной ситуации – этикетно-ритуальная.

Евгений Базаров к своему положению относится с холодным спокойствием и невозмутимостью. Он сообщает отцу о своем заболевании четко и с долей равнодушия: *«Я заражен, и через несколько дней ты меня хоронить будешь»*. Не смотря на болезненную реакцию отца и тяжесть собственного состояния, Базаров держался холодно и отстраненно: *«сильным и медленным голосом»*, *«не спеша перебил»*. Автор коммуникативной ситуации старается фокусироваться на одном компоненте, что, по его мнению, поддержит разум, пока это возможно: *«хочу остановить мысль на смерти, и ничего не выходит. Вижу какое-то пятно... и больше ничего»*. Услышав слезы своей матери, он применяет к ней прилагательное *«бедная»*, но делает это скорее пренебрежительно, поскольку за

этим следует саркастичная реплика в сторону отца, которого он сравнивает с Ариной Власьевной: *«тоже, кажется, нюнишь»*. На мольбу родителей причаститься, тем не менее, отвечает положительно.

Эмоциональная реакция Василия Ивановича Базарова на ситуацию – ошеломление и ужас. Физически это проявляется через потерю контроля над телом: *«пошатнулся, словно кто по ногам его ударил», «рухнулся на колени», «стал кусать себе пальцы»*. В дальнейшем речь его строится с эмоциональной слабостью и замешательством: *«пролепетал», «простонал»*. Такое эмоциональное состояние сменяется восклицательным отрицанием: *«что ты это!», «Бог с тобою!», «помилуй!»*. Затем Василия Ивановича вновь поглощает ужас и шоковое состояние, поскольку перед ним предстают доказательства болезни сына: *«дрогнул и похолодел от страха»*. Принимая ситуацию, адресат старается найти выход из положения, предложить варианты решения проблемы: *«Положим... если... если даже что-нибудь вроде... заражения... <...>Ну да... вроде... эпидемии... <...> Ну да, да, как тебе угодно... А все-таки мы тебя вылечим!»* – Паузы, выраженные через многоточия, указывают на трудность переживаемой ситуации и сложность в подборе слов. Он так же прибегает за помощью к религиозным атрибутам, когда осознает свою беспомощность и призывает к этим же действиям свою жену: *«— Молись, Арина, молись! — простонал он, — наш сын умирает»*. Затем он призывает к тем же действиям своего сына *«Воспользуйся этим временем, утешь нас с матерью, исполни долг христианина!»*.

После смерти Евгения Василий Иванович испытывает безумную злость и исступление, он *«хрипло кричал»* и *«с пылающим, перекошенным лицом, потрясая в воздухе кулаком, как бы грозя кому-то, — и возропцу, возропцу!»*. Арина Власьевна пыталась утешать его в меру своих сил и собственного переживания горя: *«вся в слезах, повисла у него на шее, и оба вместе пали ниц»*.

Дженни Даунхэм «Пока я жива»

В романе Дженни Даунхэм «Пока я жива» коммуникативная цель расставания является этикетно-ритуальной. Вынужденным автором коммуникативной

ситуации расставания выступает умирающая девочка Тесса, вынужденными адресатами – ее отец и младший брат Кэл.

Семья Тессы испытывает эмоциональную боль и печаль на протяжении всей коммуникативной ситуации. Они не отстраняются, а, напротив, пытаются прожить с вынужденным автором коммуникативной ситуации последние мгновения ее жизни: *«Я рядом, я держу тебя за руку»*, *«мы с тобой»*, *«все хорошо, мы тебя отпускаем»*. Неоднократно они повторяют фразу *«мы тебя любим»*. Адресаты поддерживают не только девочку, но и друг друга, что свидетельствует о тесной эмоциональной близости: *«Не бойся»*, *«сядь рядом со мной»*, *«иди ко мне»*.

Отношение младшего брата к коммуникативной ситуации расставания начинается с эмоционального отрицания: *«Я не хочу, чтобы она умирала. Я не согласен!»* и заканчивается смиренным принятием ситуации: *«Прощай, Тесс. Если хочешь, можешь мне являться. Я не против»*.

Эмоциональное состояние вынужденного автора расставания можно охарактеризовать как покорность. К моменту коммуникативной ситуации расставания автор не может говорить. Перед нами предстают мысли Тессы, в которых описание своих ощущений *«Я уйду в себя»* сменяется рассуждениями о никак не относящихся к коммуникативной ситуации фактах *«маленькая птичка может по песчинке передвинуть гору песка»*, фантазиями *«Может быть, я вернусь в другом облике»*, воспоминаниями *«Ветер гонит по дорожке фантик от конфеты»*.

Несмотря на принятие своего положения, Тесса старается провести со своей семьей как можно больше времени, внутри нее происходит борьба за каждое мгновение ради любимых: *«Еще мгновение. Еще одно. Я продержусь еще мгновение»*. В финале для девочки все *«Мгновения сливаются в одно»*.

Анализ представлял собой определение ролей участников коммуникативной ситуации расставания и ее цели, определение эмоциональной привязанности участников расставания в границах данного примера, положительные и отрицательные эмоции участников расставания, а также их проксемические и

физиологические реакции. В проведенных анализах было выявлено три группы коммуникативной ситуации расставания: расставание друзей, расставание влюбленных, расставание членов семьи. Чаще всего преследуемая цель коммуникативной ситуации расставания – этикетная. Процесс коммуникативной ситуации расставания может быть выражен различными способами – диалог, письмо, обман, объяснение. Уровень эмоционального потрясения и испытываемые чувства напрямую зависят от уровня эмоциональной привязанности участников коммуникативной ситуации, что влияет на драматизм ситуации.

2.4. Эмотивы коммуникативной ситуации расставания на уроке литературы с элементами лингвистического анализа

Чтобы продемонстрировать практическое применение полученных во второй главе результатов, разработаем урок литературы с элементами лингвистического анализа.

Данный урок реализуется в рамках изучения романа «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова в школе (9 класс).

Цель данного урока – раскрыть образ Печорина с помощью анализа эмотивной лексики в коммуникативной ситуации расставания.

Урок состоит из пяти этапов. Рассмотрим каждый этап в отдельности.

1) *Организационный этап.*

На данном этапе учитель доброжелательно приветствует учащихся и проверяет их готовность к уроку.

2) *Вступительный этап.*

Разработанный нами урок предполагается проводить после нескольких вводных уроков, на которых участники знакомятся с основным сюжетом романа и его главным героем.

В начале урока учитель раздаёт ученикам фрагменты романа и просит их в мини-группах определить, какого героя описывает автор в этом фрагменте. Наиболее подходящие для данной работы фрагменты:

- *«Его кожа имела какую-то женскую нежность; белокурые волосы, вьющиеся от природы, так живописно обрисовывали его бледный, благородный лоб, на котором, только при долгом наблюдении, можно было заметить следы морщин, пересекавших одна другую и, вероятно, обозначающих гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства. Несмотря на светлый цвет его волос, усы его и брови были черные – признак породы в человеке, так, как черная грива и черный хвост у белой лошади...».*

- *«...карие глаза <...> Во-первых, они не смеялись, когда он смеялся! Вам не случалось замечать такой странности у некоторых людей?.. Это признак – или злого нрава, или глубокой постоянной грусти. Из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском, если можно так выразиться. То не было отражение жара душевного или играющего воображения: то был блеск, подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный».*

- *«...Когда он опустился на скамью, то прямой стан его согнулся, как будто у него в спине не было ни одной косточки; положение всего его тела изобразило какую-то нервическую слабость; он сидел, как сидит Бальзакова тридцатилетняя кокетка на своих пуховых креслах после утомительного бала. С первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более двадцати трех лет, хотя после я готов был дать ему тридцать».*

- И др.

После работы в мини-группах ученики дают ответ на вопрос учителя: во всех предложенных им фрагментах описывается Печорин – главный герой романа.

Затем учитель проводит фронтальный опрос о том, какими уже известными ученикам качествами обладает Печорин. В данной работе акцент необходимо сделать на примеры из текста.

После ученики самостоятельно формулируют цель урока – раскрыть ещё незнакомые черты характера Печорина, опираясь на анализ текста.

3) *Этап художественного восприятия.*

На данном этапе учитель предлагает ученикам ознакомиться с двумя фрагментами текста: встреча Максима Максимыча с Печориным в главе «Максим Максимыч» и письмо Веры Печорину в главе «Княжна Мери».

Знакомство с данными фрагментами может происходить различными способами: поочередное чтение текста учениками, заранее подготовленное некоторыми учениками художественное чтение текста, прослушивание фонохрестоматии и пр.

После данной работы учителю необходимо провести выявление качества художественного восприятия текста, задав ученикам следующие вопросы: понравились ли вам данные фрагменты текста? почему? что вам показалось неясным, непонятным в этих фрагментах произведения?

4) *Этап анализа.*

Учитель задаёт ученикам вопрос: можно ли, опираясь на прочитанные фрагменты, выявить какие-либо качества Печорина? какие? Записывает на доску те качества, которые, по мнению учеников, отражены в данных фрагментах. Затем предлагает ученикам провести подробный анализ фрагментов, который представлен во второй главе нашей работы, и проверить совпадают ли те качества, которые обозначили ученики, с действительностью.

Данную работу лучше провести по группам: одна группа рассматривает фрагмент из главы «Максим Максимыч», а другая фрагмент из главы «Княжна Мери». Каждой группе необходимо выдать раздаточный материал с наводящими вопросами.

Для группы, которая рассматривает фрагмент из главы «Максим Максимыч»:

- *Как относится к расставанию с Печориным Максим Максимыч?*
- *Как относится к расставанию с Максимом Максимычем Печорин?*
- *Что делает Максим Максимыч, чтобы задержать расставание с Печориным?*
- *Какие знаки препинания используются в данном фрагменте? С какой целью автор их использует?*

Все ответы на вопросы необходимо подкрепить примерами из текста.

Для группы, которая рассматривает фрагмент из главы «Княжна Мери»:

- *Как относится к расставанию с Печориным Вера?*
- *Как относится к расставанию с Верой Печорин?*
- *Что делает Печорин, чтобы избежать расставание с Верой?*
- *Какие знаки препинания используются в данном фрагменте? С какой целью автор их использует?*

Все ответы на вопросы необходимо подкрепить примерами из текста.

Ученики работают в группах, а после каждая группа представляет свои результаты (см. главу 2).

После учитель задаёт ученикам вопросы: что объединяет эти фрагменты? (мотив расставания) одинаково ведёт ли себя Печорин в рассмотренных фрагментах расставания? Просит учеников сравнить поведение Печорина в первом фрагменте и во втором, сделать выводы о его чертах характера.

Учитель предлагает снова обратить внимание учеников на записанные в начале данного этапа черты Печорина, определить, какие черты совпадают с полученными результатами анализа, а какие нет, просит дополнить схему новыми ранее не записанными чертами.

5) *Заключительный этап.*

Цель данного этапа – закрепить полученные на прошлом этапе результаты в творческой форме, которая может быть различной: театральная постановка данных фрагментов, их иллюстрация, игра и пр.

Мы же предлагаем обратить внимание на вариацию форм расставания: расставание в реальной жизни и через письмо. А затем провести дискуссию на тему, плюсы и минусы расставания вживую и расставания через письмо. Для более подготовленного класса можно усложнить данную работу необходимостью опираться на полный текст романа «Герой нашего времени».

После данной работы учитель задаёт ученикам вопросы: достигли ли мы цели нашего урока? как мы её достигали?

В результате учитель проводит с учениками рефлекссию, задаёт домашнее задание и заканчивает урок.

Представленная методическая разработка помогает в полном объеме раскрыть характеры персонажей, их эмоциональные переживания, реакции и поведение, что позволяет лучше прочувствовать персонажей и получить эмоциональный отклик учащихся. Данный урок направлен на развитие предметных, метапредметных и личностных УУД, что поможет в достижении множества задач.

Заключение

В настоящем исследовании был проведен анализ категории эмотивности различных коммуникативных ситуаций расставания: расставание друзей, расставание влюбленных, расставание членов семьи. Целью данной работы было выявление особенностей функционирования эмотивной лексики в структуре коммуникативной ситуации расставания.

Первый этап работы состоял из изучения литературы по данной тематике. Были рассмотрены понятия эмоции, эмотивности, эмотиологии, коммуникативной ситуации. Компонентный анализ был признан одним из универсальных способов лингвистического исследования.

Были выявлены следующие особенности эмотивности:

1. Эмотивность речи выражает психическое состояние говорящего, обуславливающее его эмоциональное отношение к предмету и ситуации общения.
2. Эмотивность – языковая категория, поскольку эмоции могут передаваться (выражаться, проявляться) в языке и языком.
3. Эмотивы – понятие лингвистическое, а эмоции и чувства – экстралингвистическое.

Можно сделать вывод о том, что эмоции непосредственно взаимосвязаны с потребностями человека, лежащими в основе мотивов его деятельности, необходимыми для освоения действительности и удовлетворения актуальных потребностей. Также следует дифференцировать связь эмоций и языка со стороны чувственного содержания языка и его способности выражать/называть эмоции и чувства.

Вторым этапом работы стал отбор текстов, в которых присутствует коммуникативная ситуация расставания и их эмотивный анализ. В ходе исследования анализировались различные примеры коммуникативных ситуаций расставания друзей, влюбленных, членов семьи. Анализ представлял собой определение ролей участников коммуникативной ситуации расставания и ее цели, определение эмоциональной привязанности участников расставания в границах

данного примера, положительные и отрицательные эмоции участников расставания, а также их проксемические и физиологические реакции.

В проведенных анализах было выявлено три группы коммуникативной ситуации расставания: расставание друзей, расставание влюбленных, расставание членов семьи. Анализы примеров показали, что эмоциональное переживание полностью зависит от близости взаимоотношений автора коммуникативной ситуации и адресата, уровня привязанности одного человека к другому. Близость и привязанность можно проследить через действия и реплики адресата, а также комментарии автора. Для участников коммуникативной ситуации расставания, которые испытывают глубокую эмоциональную привязанность, характерны сомнения в происходящей ситуации и попытки оттянуть прощание, чтобы провести с близким человеком больше времени. Частые паузы между репликами, выраженные через многоточия, указывают на сложность в подборе слов для выражения своих эмоций, сами реплики наполнены восклицаниями, подчеркивающие сильные эмоциональные переживания персонажей. Отметим, что адресаты чаще всего переживают процесс коммуникативной ситуации расставания труднее, чем авторы коммуникативной ситуации расставания в связи со своей неподготовленностью и психологическим неприятием факта расставания, их переживания и волнение усиливается по мере приближения момента расставания.

Также было выявлено, что временной промежуток между знакомством и коммуникативной ситуацией прощания никак не влияет на возможность глубоких переживаний персонажем, искреннее эмоциональное переживание и привязанность можно испытать и после непродолжительного общения, это зависит от уровня возникшей эмоциональной привязанности одного персонажа к другому. Следует отметить, что искренние положительные эмоции в коммуникативной ситуации расставания могут возникнуть и между людьми, у которых была серьезная конфликтная ситуация продолжительное время, исчерпавшая себя незадолго до прощания. Чаще всего процесс коммуникативной ситуации расставания происходит через диалог, однако в коммуникативной

ситуации расставания влюбленных способы расставания разнообразны – через форму письма, через обман, через объяснение. Чувство влюбленности свидетельствует о высоком уровне привязанности, эмоции однотипны при условии, что оба участника коммуникативной ситуации осознают прощание – боль потери, чувство тревоги, ощущение утраты, нежелание происходящей ситуации.

Исходя из представленного анализа, мы можем сделать вывод о том, что эмотивность представляет одну из важнейших сторон передачи эмоционального состояния персонажа.

Третьим этапом работы являлась методическая разработка конспекта урока литературы с элементами лингвистического анализа для девятого класса на основе проведенного нами исследования. Данный урок поможет учителю в решении множества задач: он направлен на развитие предметных, метапредметных и личностных УУД. Урок литературы по большей части – это урок нравственного воспитания, именно поэтому учителю так важно заинтересовать учеников и получить эмоциональный отклик на изучаемый материал урока. Отобранный нами материал для исследования способствует поставленной задаче: он помогает раскрыть характеры героев, позволяет проследить уровень их эмоционального потрясения, испытываемые чувства и различные эмоциональные реакции, что в свою очередь влияет на понимание учениками особенностей персонажей, их внутреннего мира, переживаний и чувств, их поведения.

Данный вид работы также подчеркивает необходимость изучения речевых актов на уроках русского языка и литературы, поскольку важно научить учащихся коммуникативно целесообразно подбирать языковые элементы в общении для достижения поставленной коммуникативной цели, а также полноценного и успешного выражения своих чувств. Подобранные автором отрывки полностью реализуют этот запрос.

Список использованной литературы

1. Арнольд И.В. Лексикография современного английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. 352 с.
2. Астафьев, В.П. Пастух и пастушка. М.: Изд-во Эксмо, 217. 640 с.
3. Баранов А.Г. Когнитивность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности. Саратов: Изд-во ГосУНЦ Колледж, 1997. Вып. 1.
4. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. М.: Изд-во Либроком, 2009. 320 с.
5. Буренина Н.В. Диалог и эмотивная функция языка // Диалог о диалоге: межвуз. сб. науч. тр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1991. С.28–35.
6. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. М.: Изд-во Русские словари, 1996. 122 с.
7. Гоголь, Н.В. Тарас Бульба. М.: Изд-во Эксмо, 2019. 288 с.
8. Гончарова Т.В., Плеханова Л.П. Речевая культура личности: практикум. М.: Изд-во Флинта: Наука, 2012. 240 с.
9. Даунхэм, Д. Пока я жива / Д. Даунхэм; [пер. с англ. Ю.В. Полещук]. – М.: Изд-во РИПОЛ классик, 2015. 320 с.
10. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М.: Изд-во Знак, 2010. 600 с.
11. Домбровский, Ю.О. СПб: Изд-во Азбука-классика, 2004. 544 с.
12. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Изд-во Питер, 2001. 356 с.
13. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
14. Карпова Ю.А. Средства выражения эмотивно-эмпатийного взаимодействия в условиях речевого общения // Вестник Пермского университета. Российская зарубежная филология. 2011. №4(16). С. 73-79.
15. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М.: Изд-во Научный мир, 2005. 493 с.
16. Китайгородская М.В., Розанова Н. Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М., 1995. 128 с.

17. Красавский Н.А. Терминологическое и обиходное обозначение эмоций (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1992. 17 с.
18. Леорда С.В. Речевой портрет современного студента // Вестник Саратовского ГАУ им. Н.И. Вавилова. 2006. № 6. С. 59-60.
19. Лермонтов, М.Ю. Герой нашего времени. М.: Изд-во Эксмо, 2018. 224 с.
20. Матвеева Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993. С. 87.
21. Мягкова Е.Ю. Когнитивная теория эмоций и исследование эмоциональности лексики. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1991. 187 с.
22. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 112 с.
23. Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Доклады Всесоюзной научной конференции. Часть 2. М.: 1991. С. 73-75.
24. Панова М.Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования. М.: Изд-во Рос. Ун-та Дружбы народов, 2004. 323 с.
25. Пастернак, Б.Л. Доктор Живаго. СПб: Изд-во Азбука-классика, 2008. 768 с.
26. Ревенко И.В. Способы репрезентации эмотивности в художественном тексте (на материале повести В. П. Астафьева «Пастух и пастушка») // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2016. №2. С. 181.
27. Ревенко И.В. Комплекс признаков семантической категории «интенсивность» // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2013. № 2. 345 с.
28. Салимовский, В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении. Пермь: Изд-во Перм. Ун-та, 2002. 79 с.
29. Седов, К.Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров // Жанры речи. Вып. 3. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ Колледж, 2002. С. 40-52.

30. Тарасенко Т.П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): автореф. дис. канд. филол. Наук. Краснодар, 2007. 38 с.
31. Тургенев, И.С. Отцы и дети. М.: Изд-во Эксмо, 2020. 480 с.
32. Федосюк, М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. М.: Изд-во Наука, 1997. № 5. С. 100–120.
33. Чурилина Л.Н. «Языковая личность» в художественном тексте. М.: Флинта, 2006. 240 с.
34. Шаховский В.И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность. Сб.: Коммуникативные аспекты значения. Волгоград: Изд-во Волгр. пед. ин-т, 1990. С. 46 – 47.
35. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 190 с.
36. Шевченко О.А. Проблема категории эмотивности в лингвистике: учеб. пособие / Перм. гос. техн. ун-т. Пермь, 2006. 73 с.
37. Шмелева, Т.В. Модель речевого жанра. Саратов: Изд-во ГосУНЦ Колледж, 1997. С. 88–98.
38. Шмелева, Т.В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. № 2. – Berlin, 1990. С. 20-32.
39. Шолохов, М.А. М.: Изд-во АСТ, 2019. 384 с.

Приложение
М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»

«Я обернулся к площади и увидел Максима Максимыча, бегущего что было мочи... Через несколько минут он был уже возле нас; он едва мог дышать; пот градом катился с лица его; мокрые клочки седых волос, вырвавшись из-под шапки, приклеились ко лбу его; колени его дрожали... он хотел кинуться на шею Печорину, но тот довольно холодно, хотя с приветливой улыбкой, протянул ему руку. Штабс-капитан на минуту остолбенел, но потом жадно схватил его руку обеими руками: он еще не мог говорить.

– Как я рад, дорогой Максим Максимыч. Ну, как вы поживаете? – сказал Печорин.

– А... ты?... а вы? – пробормотал со слезами на глазах старик... – сколько лет... сколько дней... да куда это?..

– Еду в Персию – и дальше...

– Неужто сейчас?.. Да подождите, дражайший!.. Неужто сейчас расстанемся?.. Столько времени не видались...

– Мне пора, Максим Максимыч, – был ответ.

– Боже мой, боже мой! да куда это так спешите?.. Мне столько бы хотелось вам сказать... столько расспросить... Ну что? в отставке?.. как?.. что поделявали?..

– Скучал! – отвечал Печорин, улыбаясь.

– А помните наше житье-бытье в крепости? Славная страна для охоты!.. Ведь вы были страстный охотник стрелять... А Бэла?.. Печорин чуть-чуть побледнел и отвернулся...

– Да, помню! – сказал он, почти тотчас принужденно зевнув... Максим Максимыч стал его упрашивать остаться с ним еще часа два.

– Мы славно пообедаем, – говорил он, – у меня есть два фазана; а кахетинское здесь прекрасное... разумеется, не то, что в Грузии, однако лучшего сорта... Мы поговорим... вы мне расскажете про свое житье в Петербурге... А?

– Право, мне нечего рассказывать, дорогой Максим Максимыч... Однако

прощайте, мне пора... я спешу... Благодарю, что не забыли... – прибавил он, взяв его за руку.

Старик нахмурил брови... он был печален и сердит, хотя старался скрыть это. – Забыть! – проворчал он, – я – то не забыл ничего... Ну, да бог с вами!.. Не так я думал с вами встретиться...

– Ну полно, полно! – сказал Печорин, обняв его дружески, – неужели я не тот же?.. Что делать?.. всякому своя дорога... Удастся ли еще встретиться, – бог знает!.. – Говоря это, он уже сидел в коляске, и ямщик уже начал подбирать вожжи.

– Постой, постой! – закричал вдруг Максим Максимыч, ухватясь за дверцы коляски, – совсем было забыл... У меня остались ваши бумаги, Григорий Александрович... я их таскаю с собой... думал найти вас в Грузии, а вот где бог дал свидеться... Что мне с ними делать?..

– Что хотите! – отвечал Печорин. – Прощайте...

– Так вы в Персию?.. а когда вернетесь?.. – кричал вслед Максим Максимыч...

Коляска была уж далеко; но Печорин сделал знак рукой, который можно было перевести следующим образом: вряд ли! да и зачем?.. Давно уж не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колес по кремнистой дороге, — а бедный старик еще стоял на том же месте в глубокой задумчивости».

««Я пишу к тебе в полной уверенности, что мы никогда больше не увидимся. Несколько лет тому назад, расставаясь с тобою, я думала то же самое; но небу было угодно испытать меня вторично; я не вынесла этого испытания, мое слабое сердце покорилось снова знакомому голосу... ты не будешь презирать меня за это, не правда ли? Это письмо будет вместе прощаньем и исповедью: я обязана сказать тебе все, что накопилось на моем сердце с тех пор, как оно тебя любит. Я не стану обвинять тебя – ты поступил со мною, как поступил бы всякий другой мужчина: ты любил меня как собственность, как источник радостей, тревог и печалей, сменявшихся взаимно, без которых жизнь скучна и однообразна. Я это поняла сначала... Но ты был несчастлив, и я пожертвовала собою, надеясь, что когда-нибудь ты оценишь мою жертву, что когда-нибудь ты поймешь мою

глубокую нежность, не зависящую ни от каких условий. Прошло с тех пор много времени: я проникла во все тайны души твоей... и убедилась, что то была надежда напрасная. Горько мне было! Но моя любовь срослась с душой моей: она потемнела, но не угасла.

Мы расстаемся навеки; однако ты можешь быть уверен, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебя все свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая раз тебя не может смотреть без некоторого презрения на прочих мужчин, не потому, чтоб ты был лучше их, о нет! но в твоей природе есть что-то особенное, тебе одному свойственное, что-то гордое и таинственное; в твоём голосе, что бы ты ни говорил, есть власть непобедимая; никто не умеет так постоянно хотеть быть любимым; ни в ком зло не бывает так привлекательно, ничей взор не обещает столько блаженства, никто не умеет лучше пользоваться своими преимуществами и никто не может быть так истинно несчастлив, как ты, потому что никто столько не старается уверить себя в противном. Теперь я должна тебе объяснить причину моего поспешного отъезда; она тебе покажется маловажна, потому что касается до одной меня. Нынче поутру мой муж вошел ко мне и рассказал про твою ссору с Грушницким. Видно, я очень переменялась в лице, потому что он долго и пристально смотрел мне в глаза; я едва не упала без памяти при мысли, что ты нынче должен драться и что я этому причиной; мне казалось, что я сойду с ума... но теперь, когда я могу рассуждать, я уверена, что ты останешься жив: невозможно, чтоб ты умер без меня, невозможно! Мой муж долго ходил по комнате; я не знаю, что он мне говорил, не помню, что я ему отвечала... верно, я ему сказала, что я тебя люблю... Помню только, что под конец нашего разговора он оскорбил меня ужасным словом и вышел. Я слышала, как он велел закладывать карету... Вот уж три часа, как я сижу у окна и жду твоего возврата... Но ты жив, ты не можешь умереть!.. Карета почти готова... Прощай, прощай... Я погибла, — но что за нужда?.. Если б я могла быть уверена, что ты всегда меня будешь помнить, — не говорю уж любить, — нет, только помнить... Прощай; идут... я должна спрятать письмо... Не правда ли, ты не любишь Мери? ты не женишься на ней? Послушай, ты

должен мне принести эту жертву: я для тебя потеряла все на свете...» Я как безумный выскочил на крыльцо, прыгнул на своего Черкеса, которого водили по двору, и пустился во весь дух по дороге в Пятигорск. Я беспощадно погонял измученного коня, который, хрипя и весь в пене, мчал меня по каменистой дороге.

Солнце уже спряталось в черной туче, отдохавшей на гребне западных гор; в ущелье стало темно и сыро. Подкумок, пробираясь по камням, ревел глухо и однообразно. Я скакал, задыхаясь от нетерпенья. Мысль не застать уже ее в Пятигорске молотком ударяла мне в сердце! — одну минуту, еще одну минуту видеть ее, проститься, пожать ей руку... Я молился, проклинал плакал, смеялся... нет, ничто не выразит моего беспокойства, отчаяния!.. При возможности потерять ее навеки Вера стала для меня дороже всего на свете — дороже жизни, чести, счастья! Бог знает, какие странные, какие бешеные замыслы роились в голове моей... И между тем я все скакал, погоняя беспощадно. И вот я стал замечать, что конь мой тяжелее дышит; он раза два уж спотыкнулся на ровном месте... Оставалось пять верст до Эссентуков — казачьей станицы, где я мог пересесть на другую лошадь.

Все было бы спасено, если б у моего коня достало сил еще на десять минут! Но вдруг поднимаясь из небольшого оврага, при выезде из гор, на крутом повороте, он грянулся о землю. Я проворно соскочил, хочу поднять его, дергаю за повод — напрасно: едва слышный стон вырвался сквозь стиснутые его зубы; через несколько минут он издох; я остался в степи один, потеряв последнюю надежду; попробовал идти пешком — ноги мои подкосились; изнуренный тревогами дня и бессонницей, я упал на мокрую траву и как ребенок заплакал. И долго я лежал неподвижно и плакал горько, не стараясь удерживать слез и рыданий; я думал, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровие — исчезли как дым. Душа обессилела, рассудок замолк, и если б в эту минуту кто-нибудь меня увидел, он бы с презрением отвернулся. Когда ночная роса и горный ветер освежили мою горячую голову и мысли пришли в обычный порядок, то я понял, что гнаться за погибшим счастьем

бесполезно и безрассудно. Чего мне еще надобно? — ее видеть? — зачем? не все ли кончено между нами? Один горький прощальный поцелуй не обогатит моих воспоминаний, а после него нам только труднее будет расставаться. Мне, однако, приятно, что я могу плакать! Впрочем, может быть, этому причиной расстроенные нервы, ночь, проведенная без сна, две минуты против дула пистолета и пустой желудок.

Все к лучшему! это новое страдание, говоря военным слогом, сделало во мне счастливую диверсию. Плакать здорово; и потом, вероятно, если б я не проехался верхом и не был принужден на обратном пути пройти пятнадцать верст, то и эту ночь сон не сомкнул бы глаз моих».

Михаил Александрович Шолохов «Судьба человека»

«Чужой, но ставший мне близким человек поднялся, протянул большую, твердую, как дерево, руку:

– Прощай, браток, счастливо тебе!

– И тебе счастливо добраться до Кашар.

– Благодарствую. Эй, сынок, пойдем к лодке.

Мальчик подбежал к отцу, пристроился справа и, держась за полу отцовского ватника, засеменял рядом с широко шагавшим мужчиной. Два осиротевших человека, две песчинки, заброшенные в чужие края военным ураганом невиданной силы... Что-то ждет их впереди? И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек несгибаемой воли, выдюжит и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет все вытерпеть, все преодолеть на своем пути, если к этому позовет его Родина. С тяжелой грустью смотрел я им вслед... Может быть, все и обошлось бы благополучно при нашем расставании, но Ванюшка, отойдя несколько шагов и заплетая куцыми ножками, повернулся на ходу ко мне лицом, помахал розовой ручонкой. И вдруг словно мягкая, но когтистая лапа сжала мне сердце, и я поспешно отвернулся. Нет, не только во сне плачут пожилые, поседевшие за годы войны мужчины. Плачут они и наяву. Тут главное – уметь вовремя отвернуться.

Тут самое главное – не ранить сердце ребенка, чтобы он не увидел, как бежит по твоей щеке жгучая и скупая мужская слеза...»

Юрий Осипович Домбровский «Факультет ненужных вещей».

«– А сейчас вот так... – властно перебил его Гуляев. – Неймана нет, и кончать это дело придется нам. Курган эти молодцы, что принесли диадему, снесли бульдозером. Научил их кто-то или случайно это вышло, пока неясно. Погребальный инвентарь весь у нас. Говорят, правда, что, может быть, есть там и вторая, боковая камера, вот сегодня-завтра приедут специалисты и тогда все окончательно прояснится. А сейчас вам казначей принесет деньги и вещи. Берите и идите домой. Там все в полном порядке. Ключ - вот. Советую лечь и никуда больше не ходить, отдохнуть.

Он вышел из-за стола и подошел к Зыбину.

– Ну, до свиданья, Георгий Николаевич, - сказал он как-то по-доброму, даже по-дружески, – поморочили мы друг другу голову, а?..

– Ну, что касается меня... – начал холодно Зыбин, – то я...

– Ну ладно, ладно, – улыбнулся Гуляев. – Не начинайте снова, а про Неймана тоже плохо не думайте, он ведь все это и принес нам. И тех кладоискателей арестовал и привел под револьвером в илийское отделение милиции. Если бы не он, мы бы и до сих пор плутали в потемках.

– Да как же так? - изумился Зыбин, и у него даже голос дрогнул. – Но почему же тогда... – Ладно, ладно, потом, потом...

Через час он вышел из узенькой низенькой железной дверцы и пошел по улице».

Виктор Петрович Астафьев «Пастух и пастушка»

«Тебя ведь ждут, – повернулась Люся. У нее снова отделились глаза, но голос был буднично спокоен.

– Да.

–Так иди! Я провожать не буду. Не могу. – И отвернулась, опять устроив на руки подбородок со вдавленной в него ямочкой. В позе ее, в плотно сомкнутых губах, в мелко подрагивающих ресницах было что-то трогательное и смешное.

Школьницу, раскапризничавшуюся на выпускном вечере, напоминала она. Время шло.

– Что же делать-то? – Борис переступил с ноги на ногу, поправил сумку на боку. – Мне пора. – Он еще переступил, еще раз поправил сумку. Люся не отзывалась. Подбородок ее смялся, ресницы все чаще и чаще подрагивали, снова расстегнулся рукав, хвостик косы упал в мокрый желобок рамы. Борис отжал смокшиеся волосы и с сожалением опустил косу на ее спину. – Я же не виноват... – задержав руку выше выреза платья, чуть слышно сказал он. Нежное, пушистое тепло настоялось под косой, будто в птичьем гнездышке. «Милая ты моя!» – Борис большим усилием заставил себя сдержаться, чтобы не припасть губами к этому теплу, к этой нежной детской коже.

– Конечно, – почувствовав, что он пересилил себя, сказала Люся, глядя на свои руки. Она тут же начала ими суетиться, поправлять ленты, зачем-то сдавила пальцами горло. – Виноватых нет.

– Прощай тогда... – Борис неуклюже, будто новобранец на первых учениях, повернулся кругом, осторожно, точно в больничной палате, притворил дверь и постоял еще, чего-то ожидая, обшаривая кухню глазами – не забыл ли кто чего?

Никто ничего не забыл. «Солому не убрали. Насвинячили и ушли. Вечно так... Ладно, чего уж... Долгие провода – лишние слезы...» – Борис подпихал солому в угол и отправился догонять взвод».

Борис Леонидович Пастернак «Доктор Живаго».

«Что я наделал? Что я наделал? Отдал, отрекся, уступил. Броситься бегом вдогонку, догнать, вернуть. Лара! Лара!

Не слышат. Ветер в обратную сторону. И, наверное, громко разговаривают. У нее все основания быть веселой, спокойной.

Она далась в обман и не подозревает, в каком она заблуждении.

Вот её вероятные мысли. Она думает. Все сложилось как нельзя лучше, по её желанию. Ее Юрочка, фантазер и упрямец, наконец, смягчился, слава Создателю, и отправляется вместе с ней куда-то в верное место, к людям поумнее их, под защиту законности и порядка. Если даже, чтобы настоять на своем и выдержать

характер, он покобенится и не сядет завтра в их поезд, то Виктор Ипполитович придет за ним другой, он к ним подъедет в самом непродолжительном времени.

А сейчас он, конечно, уже на конюшне, дрожащими от волнения и спешки, путающимися, не слушающимися руками запрягает Савраску и немедленно во весь дух пустится нахлестывать следом, так что нагонит их еще в поле, до въезда в лес».

Вот как, наверное, она думает. А они даже и не простились толком, только Юрий Андреевич рукой махнул и отвернулся, стараясь сглотнуть колом в горле ставшую боль, точно он подавился куском яблока.

Доктор в накинутаой на одно плечо шубе стоял на крыльце.

Свободною, не покрытой шубою рукой он под самым потолком сжимал с такой силою шейку точеного крылечного столбика, точно душил его. Всем своим сознанием он был прикован к далекой точке в пространстве. Там, на некотором протяжении, небольшой кусок подымавшегося в гору пути открывался между несколькими, отдельно росшими березами. В это открытое место падал в данное мгновение свет низкого, готового к заходу, солнца. Туда, в полосу этого освещения должны были с минуты на минуту вынестись разогнавшиеся сани из неглубокой ложбины, куда они ненадолго занырнули.

– Прощай, прощай, – предваряя эту минуту, беззвучно-беспамятно твердил доктор, выталкивая из груди эти чуть дышащие звуки в вечеревший морозный воздух. – Прощай, единственно любимая, навсегда утраченная!

– Едут! Едут! – стремительно сухо зашептал он побелевшими губами, когда сани стрелой вылетели снизу, минуя березы одну за другою, и стали сдерживать ход и, о радость, остановились у последней.

О как забилося его сердце, о как забилося его сердце, ноги подкосились у него, он от волнения стал весь мягкий, войлочный, как сползающая с плеча шуба! «О Боже, Ты, кажется, положил вернуть её мне? Что там случилось? Что там делается, на далекой закатной этой черте? Где объяснение? Зачем стоят они? Нет. Пропало. Взяли. Понеслись. Это она верно попросила стать на минуту, чтобы еще раз взглянуть на прощание на дом.

Или может быть, ей захотелось удостовериться, не выехал ли уже Юрий Андреевич и не мчится ли за ними вдогонку? Уехали.

Уехали.

Если успеют, если солнце не сядет раньше (в темноте он не разглядит их), они промелькнут еще раз, и на этот раз в последний, по ту сторону оврага, на поляне, где позапрошлую ночью стояли волки».

И вот пришла и прошла и эта минута. Темнопунцовое солнце еще круглилось над синей линией сугробов. Снег жадно всасывал ананасную сладость, которою оно его заливало. И вот они показались, понеслись, промчались. «Прощай, Лара, до свидания на том свете, прощай краса моя, прощай радость моя, бездонная, неисчерпаемая, вечная». И вот они скрылись. «Больше я тебя никогда не увижу, никогда, никогда в жизни, больше никогда не увижу тебя».

Николай Васильевич Гоголь «Тарас Бульба».

«Бедная старушка, лишенная последней надежды, уныло поплелась в хату. Между тем как она со слезами готовила все, что нужно к завтраку, Бульба раздавал свои приказания, возился на конюшне и сам выбирал для детей своих лучшие убранства. Бурсаки вдруг преобразились; на них явились, вместо прежних запачканных сапогов, сафьянные красные с серебряными подковами; шаровары шириною в Черное море, с тысячью складок и со сборами, перетянулись золотым очкуром; к очкуру прицеплены были длинные ремешки, с кистями и прочими побрякушками для трубки. Казакин алого цвета, сукна яркого, как огонь, опоясался узорчатым поясом; чеканные турецкие пистолеты были засунуты за пояс; сабля брякала по ногам. Их лица, еще мало загоревшие, казалось, похорошели и побелели; молодые черные усы теперь как-то ярче оттеняли белизну их и здоровый, мощный цвет юности; они были хороши под черными бараньими шапками с золотым верхом. Бедная мать как увидела их, и слова не могла промолвить, и слезы остановились в глазах ее.

– Ну, сыны, все готово! нечего мешкать! – произнес, наконец, Бульба. – Теперь, по обычаю христианскому, нужно перед дорогою всем присесть. Все сели, не выключая даже и хлопцев, стоявших почтительно у дверей.

– Теперь благослови, мать, детей своих! – сказал Бульба, – моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь льцарскую, чтобы стояли всегда за веру Христову, а не то пусть лучше пропадут, чтобы и духу их не было на свете! Подойдите, дети, к матери: молитва материнская и на воде и на земле спасает!

Мать, слабая как мать, обняла их, вынула две небольшие иконы, надела им, рыдая, на шею.

– Пусть хранит вас... Божья Матерь... не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть весточку о себе... – далее она не могла говорить.

– Ну, пойдем, дети! — сказал Бульба.

У крыльца стояли оседланные кони. Бульба вскочил на своего Черта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе двадцатипудовое бремя, потому что Тарас был чрезвычайно тяжел и толст.

Когда увидела мать, что уже и сыны ее сели на коней, она кинулась к меньшому, у которого в чертах лица выразалось более какой-то нежности; она схватила его за стремя, она прилипла к седлу его и с отчаяньем в глазах не выпускала его из рук своих. Два дюжих казака взяли ее бережно и унесли в хату. Но когда выехали они за ворота, со всею легкостью дикой козы, несообразно летам, выбежала она за ворота, с непостижимой силою остановила лошадь и обняла одного из сыновей с какою-то помешанною, бесчувственною горячностью; ее опять увели».

Иван Сергеевич Тургенев «Отцы и дети».

«– Старина, – начал Базаров сиплым и медленным голосом, – дело мое дрянное. Я заражен, и через несколько дней ты меня хоронить будешь. Василий Иванович пошатнулся, словно кто по ногам его ударил.

– Евгений! – пролепетал он, – что ты это!.. Бог с тобою! Ты простудился...

– Полно, – не спеша перебил его Базаров. – Врачу непозволительно так говорить. Все признаки заражения, ты сам знаешь.

– Где же признаки... заражения, Евгений?.. помилуй!

– А это что? – промолвил Базаров и, приподняв рукав рубашки, показал отцу выступившие зловещие красные пятна.

Василий Иванович дрогнул и похолодел от страха.

– Положим, – сказал он наконец, – положим... если... если даже что-нибудь вроде... заражения...

– Пиэмии, — подсказал сын.

– Ну да... вроде... эпидемии...

– Пиэмии, – сурово и отчетливо повторил Базаров. – Аль уж позабыл свои тетрадки?

– Ну да, да, как тебе угодно... А все-таки мы тебя вылечим!

– Ну, это дудки. Но не в том дело. Я не ожидал, что так скоро умру; это случайность, очень, по правде сказать, неприятная. Вы оба с матерью должны теперь воспользоваться тем, что в вас религия сильна; вот вам случай поставить ее на пробу. – Он отпил еще немного воды. – А я хочу попросить тебя об одной вещи... пока еще моя голова в моей власти. Завтра или послезавтра мозг мой, ты знаешь, в отставку подаст. Я и теперь не совсем уверен, ясно ли я выражаюсь. Пока я лежал, мне все казалось, что вокруг меня красные собаки бегали, а ты надо мной стойку делал, как над тетеревом. Точно я пьяный. Ты хорошо меня понимаешь?

– Помилуй, Евгений, ты говоришь совершенно как следует.

– Тем лучше; ты мне сказал, ты послал за доктором... Этим ты себя потешил... потешь и меня: пошли ты нарочного...

– К Аркадию Николаичу, – подхватил старик.

– Кто такой Аркадий Николаич? – проговорил Базаров как бы в раздумье. – Ах да! птенец этот! Нет, ты его не трогай: он теперь в галки попал. Не удивляйся, это еще не бред. А ты пошли нарочного к Одинцовой, Анне Сергеевне, тут есть такая помещица... Знаешь? (Василий Иванович кивнул головой.) Евгений, мол, Базаров кланяться велел и велел сказать, что умирает. Ты это исполнишь?

– Исполню... Только возможное ли это дело, чтобы ты умер, ты, Евгений... Сам посуди! Где ж после этого будет справедливость?

– Этого я не знаю; а только ты нарочного пошли.

– Сию минуту пошлю, и сам письмо напишу.

– Нет, зачем; скажи, что кланяться велел, больше ничего не нужно. А теперь я опять к моим собакам. Странно! хочу остановить мысль на смерти, и ничего не выходит. Вижу какое-то пятно... и больше ничего.

Он опять тяжело повернулся к стене; а Василий Иванович вышел из кабинета и, добравшись до жениной спальни, так и рухнулся на колени перед образами.

– Молись, Арина, молись! – простонал он, – наш сын умирает. Доктор, тот самый уездный лекарь, у которого не нашлось адского камня, приехал и, осмотрев больного, посоветовал держаться методы выжидающей и тут же сказал несколько слов о возможности выздоровления.

– А вам случалось видеть, что люди в моем положении не отправляются в Елисейские? – спросил Базаров и, внезапно схватив за ножку тяжелый стол, стоявший возле дивана, потряс его и сдвинул с места.

– Сила-то, сила, – промолвил он, – вся еще тут, а надо умирать!.. Старик, тот, по крайней мере, успел отвыкнуть от жизни, а я... Да, поди попробуй отрицать смерть. Она тебя отрицает, и баста! Кто там плачет? – прибавил он, погодя немного. – Мать? Бедная! Кого-то она будет кормить теперь своим удивительным борщом? А ты, Василий Иваныч, тоже, кажется, нюнишь? Ну, коли христианство не помогает, будь философом, стойком, что ли? Ведь ты хвастался, что ты философ?

– Какой я философ! – завопил Василий Иванович, и слезы так и закапали по его щекам.

Базарову становилось хуже с каждым часом; болезнь приняла быстрый ход, что обыкновенно случается при хирургических отравках. Он еще не потерял памяти и понимал, что ему говорили; он еще боролся. «Не хочу бредить, – шептал он, сжимая кулаки, – что за вздор!» И тут же говорил: «Ну, из восьми вычешь десять, сколько выйдет?» Василий Иванович ходил как помешанный, предлагал то одно средство, то другое и только и делал, что покрывал сыну ноги. «Обернуть в холодные простыни... рвотное... горчишники к желудку... кровопускание», –

говорил он с напряжением. Доктор, которого он умолил остаться, ему поддакивал, поил больного лимонадом, а для себя просил то трубочки, то «укрепляющего-согревающего», то есть водки. Арина Власьевна сидела на низенькой скамеечке возле двери и только по временам уходила молиться; несколько дней тому назад туалетное зеркальце выскользнуло у ней из рук и разбилось, а это она всегда считала худым предзнаменованием; сама Анфисушка ничего не умела сказать ей. Тимофеич отправился к Одинцовой.

Ночь была не хороша для Базарова... Жестокий жар его мучил. К утру ему полегчило. Он попросил, чтоб Арина Власьевна его причесала, поцеловал у ней руку и выпил глотка два чаю. Василий Иванович оживился немного.

– Слава Богу! – твердил он, – наступил кризис... прошел кризис.

– Эка, подумаешь! – промолвил Базаров, – слова-то что значит! Нашел его, сказал: «кризис» – и утешен. Удивительное дело, как человек еще верит в слова. Скажут ему, например, дурака и не прибьют, он опечалится; назовут его умницей и денег ему не дадут – он почувствует удовольствие.

Эта маленькая речь Базарова, напоминавшая его прежние «выходки», привела Василия Ивановича в умиление.

– Bravo! прекрасно сказано, прекрасно! – воскликнул он, показывая вид, что бьет в ладоши.

Базаров печально усмехнулся.

– Так как же, по-твоему, – промолвил он, – кризис прошел или наступил?

– Тебе лучше, вот что я вижу, вот что меня радует, – отвечал Василий Иванович.

– Ну и прекрасно; радоваться всегда не худо. А к той, помнишь? послал?

– Послал, как же.

Перемена к лучшему продолжалась недолго. Приступы болезни возобновились. Василий Иванович сидел подле Базарова. Казалось, какая-то особенная мука терзала старика. Он несколько раз собирался говорить – и не мог.

– Евгений! – произнес он наконец, – сын мой, дорогой мой, милый сын! Это необычайное воззвание подействовало на Базарова... Он повернул немного

голову и, видимо стараясь выбиться из-под бремени давившего его забытья, произнес:

– Что, мой отец?

– Евгений, – продолжал Василий Иванович и опустился на колени перед Базаровым, хотя тот не раскрывал глаз и не мог его видеть. – Евгений, тебе теперь лучше; ты, Бог даст, выздоровеешь, но воспользуйся этим временем, утешь нас с матерью, исполни долг христианина! Каково-то мне это тебе говорить, это ужасно; но еще ужаснее... ведь навек, Евгений... ты подумай, каково-то... Голос старика перервался, а по лицу его сына, хотя он и продолжал лежать с закрытыми глазами, проползло что-то странное.

– Я не отказываюсь, если это может вас утешить, – промолвил он наконец, – но мне кажется, спешить еще не к чему. Ты сам говоришь, что мне лучше.

– Лучше, Евгений, лучше; но кто знает, ведь это все в Божьей воле, а исполнивши долг...

– Нет, я подожду, – перебил Базаров. – Я согласен с тобою, что наступил кризис. А если мы с тобой ошиблись, что ж! ведь и беспамятных причащают.

– Помилуй, Евгений...

– Я подожду. А теперь я хочу спать. Не мешай мне.

И он положил голову на прежнее место.

Старик поднялся, сел на кресло и, взявшись за подбородок, стал кусать себе пальцы... <...> Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди, один глаз его раскрылся, и, казалось, при виде священника в облачении, дымящегося кадила, свеч перед образом что-то похожее на содрагание ужаса мгновенно отразилось на помертвелом лице. Когда же, наконец, он испустил последний вздох и в доме поднялось всеобщее стенание, Василием Ивановичем обуяло внезапное исступление. «Я говорил, что я возропщу, — хрипло кричал он, с пылающим, перекошенным лицом, потрясая в воздухе кулаком, как бы грозя кому-то, – и возропщу, возропщу!» Но Арина Власьевна, вся в слезах, повисла у него на шее, и оба вместе пали ниц. «Так, – рассказывала потом в людской Анфисушка, – рядышком и понурили свои головки, словно овечки в полдень...»

Дженни Даунхэм «Пока я жива»

«– Тесс, я тут. Я рядом, я держу тебя за руку. И Адам здесь, он сидит на другом краю кровати. И Кэл. Мама уже выехала, вот-вот приедет. Тесса, мы все тебя любим. Мы с тобой.

– Какой ужасный звук. Как будто ей больно.

– Ну что ты, Кэл, она без сознания. Ей не больно.

– Адам сказал, что она нас слышит. Как же это возможно, если она без сознания?

– Она как будто спит, но знает, что мы здесь. Не бойся, Кэл, сядь рядом со мной. Иди ко мне на колени. Ей не больно, не бойся.

– Не похоже. Она шипит, как дырявый паровой котел.

Я ухожу в себя. Их голоса похожи на журчание воды.

Мгновения сливаются.

Самолеты врезаются в дома. Трупы летят по воздуху. Взрываются автобусы и поезда метро. Сквозь плиты тротуара просачивается радиация. Солнце превращается в крошечную черную точку. Человечество вымирает, тараканы правят миром.

Может случиться все что угодно.

Мусс на пляже.

Взбить вилкой в судке.

Чайки. Волны.

– Тесса, все хорошо, мы тебя отпускаем. Мы тебя любим. Мы тебя отпускаем

– Почему ты так говоришь?

– Быть может, ей нужно наше согласие, чтобы умереть.

– Я не хочу, чтобы она умирала. Я не согласен!

Ладно, пускай. Еще один день соглашаться на все.

– Может, попрощаешься с сестрой?

– Нет.

– Это важно.

– Тогда она умрет.

– Но не от твоих слов. Ей нужно знать, что ты ее любишь.
Еще мгновение. Еще одно. Я продержусь еще мгновение.
Ветер гонит по дорожке фантик от конфеты.
– Давай, Кэл.
– Я чувствую себя по-идиотски.
– Мы не слушаем. Подойди ближе и говори шепотом.
Вдоль круга, где ездят машины, написано мое имя.
Каракатица, выброшенная волной на берег.
Мертвая птица на лужайке.
Миллионы червей, ослепленные солнцем.
– Прощай, Тесс. Если хочешь, можешь мне являться. Я не против.
Утка заходит в аптеку за помадой.
Мышь сажают в воду и придерживают ложкой.
Три крошечных пузырька воздуха один за другим всплывают на поверхность.
Шесть снеговиков из ваты
Шесть салфеток, сложенных в оригами-лилии.
Семь разноцветных камешков, скрепленных серебряной цепочкой.
Солнце в моей чашке.
Зои выглядывает из окна. Я выезжаю из города. Небо все темнее и темнее.
Отпусти их.
Адам выдыхает дым и говорит, указывая на город под холмом:
– Там, внизу, может твориться что угодно, но здесь ты об этом не знаешь
Адам гладит меня по голове, по лицу, целует мои слезы.
Мы так счастливы.
Отпусти их всех.
Хлопанье крыльев птицы, пролетающей по саду. А потом ничего. Ничего.
Проплывает облако. И снова ничего. Свет льется в окно, падает на меня, в меня.
Мгновения. Сливаются в одно».